

Министерство образования и науки РФ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.Н.КОСЫГИНА
(ТЕХНОЛОГИИ. ДИЗАЙН. ИСКУССТВО)

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
КАФЕДРЫ ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»**

ВЫПУСК 1(5)

**МОСКВА
19 АПРЕЛЯ 2017 ГОДА**

УДК 81
С 23

Сборник материалов научно-практической конференции кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Института славянской культуры «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации». Выпуск 1(5). - М.: ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина», 2017. – 74 с.

Сборник представляет собой материалы научно-практической конференции, ежегодно проводящейся кафедрой лингвистики и МКК. Данная конференция проходит в виде обмена опытом и мнениями о различных аспектах теории языка, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и методики преподавания иностранных языков преподавателей и студентов кафедры лингвистики. Работы преподавателей и студентов старших курсов являются полноценными научными исследованиями, а работы студентов первого курса – лишь первый этап в формировании компетенций в сфере научного анализа. Тем не менее, конференция зарекомендовала себя как продуктивный процесс передачи знаний и опыта разных поколений.

Редакционная коллегия:

Дворниченко Е.В., кандидат исторических наук, доцент,
Склизкова Е.В., кандидат культурологии, доцент

Подготовлен к печати на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации Института славянской культуры РГУ им. А.Н. Косыгина

ISBN 978-5-87055-530-0 © Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Обложка. Дизайн. Николаева Н.А., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово	4
1. Лингвистика и теория языка	6
Студ. Илюшина А.А. (гр. Л-4)	
Особенности функционирования Spanglish в художественном тексте.....	6
Студ. Гришина А. Ю. (гр. СКЛ-16)	
Лингвокультурные особенности Ямайки: формирование креольского языка.....	10
Дворниченко Е.В., доц., к.н.	
«Автопортрет в выпуклом зеркале» Джона Эшбери как поэтический экфрасис.....	13
Студ. Санкавец А. Н. (гр. СКЛз-16)	
Интернет как один из факторов развития русского языка.....	23
Студ. Седова О.В. (гр. Лз-5)	
Метафора в специальном тексте (экономическая тематика).....	26
Склизкова Е.В., доц., к.н.	
Компаративно-этимологический аспект белого цвета.....	30
Студ. Шатухова Е.С. (гр. Л-4)	
Семиотическая природа метафоры (на примере драмы Теннесси Уильямса «Кошка на раскаленной крыше»).....	35
Студ. Федотова Я.В. (гр. СКЛ-16)	
Языковая вариативность (на примере хинглиша).....	38
2. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация	42
Пак Е.С., доц., к.н.	
Мотивы противопоставления испанской и русской лингвокультур в художественной литературе.....	42
Фуражева Н.С., доц., к.н.	
Феномен культуры общения в контексте понятий «традиция» и «культурная память».....	48
Мутовкина Е.В., преподаватель	
Историософский характер древнерусской литературы XI-XII веков.....	54
3. Методика преподавания иностранного языка	57
Студ. Гвоздева Т.А.(гр. Лз-5)	
Место и роль произносительных навыков в обучении иностранному языку.....	57
Имашева О.А., ст. преп.	
Применение методов нейролингвистического программирования в обучении правописанию.....	60
Пивцаева А.А. (гр. СКЛ-16)	
Особенности международных экзаменов по английскому языку.....	67
Рыбакова Е.Е., ст.преп. (МИРЭА)	
Роль и возможности мотивации в обучении иностранному языку.....	71

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Данный сборник представляет собой материалы докладов научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации», ежегодно проводимой кафедрой лингвистики и МКК Государственной академии славянской культуры, теперь вошедшей в состав «РГУ им. А.Н. Косыгина» в качестве Института славянской культуры. Особенностью этой конференции является междисциплинарный характер и смешанный состав участников. Обсуждения касаются различных аспектов теории языка, вопросов теории культуры и лингвокультурологии, проблем межкультурной коммуникации, перспектив методики преподавания иностранных языков и культур. В конференции участвуют и преподаватели, и студенты, а также аспиранты. Для преподавателей – это хорошая возможность поделиться результатами своих исследований, для студентов и аспирантов приобрести опыт работы с различными аспектами научного текста и публичных выступлений.

Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации образована в 1999 г. как выпускающая кафедра факультета лингвистики Государственной академии славянской культуры. С самого своего создания кафедра ориентировалась на ведущие факультеты иностранных языков нашей страны и зарекомендовала себя как очень перспективная в образовательной и научной деятельности. В разное время кафедру возглавляли такие специалисты, как: доктор культурологии О.В. Орлова, кандидат культурологии Л.В. Ковтун. Огромный вклад в развитие кафедры внесла кандидат филологических наук Е.А. Глухарева, автор многих работ по лексикологии и методике преподавания немецкого языка.

Несмотря на структурные изменения, кафедра сохранила преподавательское ядро, высокий уровень преподавания и доброжелательную и творческую атмосферу. На кафедре, в том числе, работают выпускники, активно участвующие в учебно-методической и научной работе вуза. Отделение лингвистики готовит преподавателей, способных научить «живому» языку межкультурного общения, столь необходимому в новых социально-экономических условиях жизни нашей страны и переводчиков (как дополнительная специальность), свободно ориентирующихся в современной иноязычной среде и адекватно транслирующих необходимый текст. При этом на кафедре всегда высоко ценились креативные инициативы учащихся и преподавателей. Наряду с углубленным изучением иностранных языков на отделении уделяется большое внимание теории и истории культуры, формированию межкультурной компетенции, без которых невозможно понимание не только другой культуры, но и своей собственной. Навыки межкультурного общения и знание правил коммуникации с представителями других народов приобретаются студентами не только на лекциях по теории

межкультурной коммуникации, но, прежде всего, на занятиях по иностранному языку, где язык осваивается как неразрывное единство языкового и культурного опыта.

Традициями кафедры являются ежегодные совместные научно-практические конференции студентов и преподавателей отделения лингвистики, посвященные проблемам лингвистики и межкультурной коммуникации. В сборник включены доклады студентов направления подготовки 45.03.02 – Лингвистика и преподавателей ныне работающих и работавших на кафедре лингвистики и МКК.

1. ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

*Алена Александровна Илюшина,
студентка четвертого курса очного отделения,
научный руководитель: к.и.н. Дворниченко Е.В.*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ SPANGLISH В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ THE PHENOMENON OF SPANGLISH IN FICTION

***Abstract:** The article considers the sociolinguistic phenomenon of Spanglish as a natural result of language process in contemporary American English. Nowadays, Spanglish possesses many criteria that can prove its autonomy and dialect formation process (vocabulary, grammar constructions) revealing in discourse and formal register of language.*

***Keywords:** American English, code switching, dialect, Latin immigration, social dialect, Spanglish, translation, USA.*

На сегодняшний день Соединенные Штаты Америки представляют собой весьма обширное поле для лингвистических исследований. В силу различных исторических, географических, политических и социальных обстоятельств в США сложились особые условия для возникновения региональных диалектов, социолектов, этнических диалектов и т.д. Одним из таких явлений стал Spanglish – разговорный язык, в котором сочетаются компоненты как испанского, так и английского языков, и на котором общаются люди и на юге, и на севере страны. Как правило, это язык общения «латинос», то есть людей, которые прибыли в США из разных регионов Латинской Америки.

К научному изучению Spanglish приступили недавно: американские лингвисты обратили внимание на этот феномен в 1990-е годы, отечественные ученые интересуются этой проблемой последние 5-10 лет. В настоящее время основным вопросом научных дискуссий по Spanglish стало определение языковой природы этого феномена и, как следствие, предпринимаются попытки оценить перспективы развития Spanglish: является ли это просторечие просто частным случаем лингвокультурной адаптации иммигрантов в американское общество или это сформировавшийся диалект/социолект современного американского английского языка [7].

Ответ на первый вопрос чаще всего дается отрицательный, ответ на второй вопрос остается открытым: Spanglish достаточно активно проникает в сферы массовой коммуникации (радио и телевидение), а также

в художественную литературу. Есть ряд американских писателей (например, Х. Альварес, Дж. Диас, Т. Ларивьера, С. Сиснерос и др.), открыто говорящих о том, что Spanglish – часть современной языковой картины в США, что невозможно передать реалии жизни латинос без использования этого языкового компонента.

В целом, американские исследователи приходят к выводу о том, что феномен Spanglish – не локальное явление, а пример становления если не нового языка, то, по крайней мере, диалекта, сходного по истории происхождения и развития с уже признанным афроамериканским диалектом (Ebonics). Многие ученые относят Spanglish к явлениям кодового переключения, которые определяется как включение двух и более языков в речь. Тот факт, что Spanglish используется в художественной литературе свидетельствует о достаточно богатой лексике, не менее важно и то, что наблюдается развитие самостоятельной грамматической структуры.

В построении грамматической структуры на Spanglish существуют особенности. Так, П. Майскен выделил три типа кодового смешения:

- включение (insertion) – введение слов или словосочетаний на одном языке в структуру, построенную на другом языке;
- чередование (alternation) – именно этот тип кодового смешения П. Майскен связывает с кодовым переключением, однако существуют и другие точки зрения. Например, С. Томасон рассматривает процесс чередования как использование того или иного языка в определенной обстановке (дома, на работе и т. д.);
- согласованная лексикализация (congruent lexicalization) – включение лексического материала одного языка в грамматическую структуру второго [2, с.30; 3].

Данные типы кодового смешения связаны с особыми правилами переключения кодов (структурными ограничениями), которые были созданы исходя из структурного подхода. Такие структурные ограничения были выявлены С. Поплак:

- соответствие синтаксических структур рядом с границей переключения («the equivalence constraint»);
- запрет на смешение языков на морфологическом уровне («the free morpheme constraint») [1, с.125; 6].

Структурные ограничения входят в процесс чередования.

Процесс включения связан с моделью матричного языка К. Майерс-Скоттон, куда входят три компонента [1; 5]:

- составляющая матричного языка, которая определяет грамматическую структуру;
- составляющая гостевого языка, где грамматическую структуру определяет гостевой язык;

- смешанная структура, где лексические единицы гостевого языка подчиняются грамматической структуре матричного языка.

Таким образом, матричный язык определяется большим количеством морфем и ограничивает влияние гостевого языка. Особое влияние матричного языка подтверждается тем, что:

- порядок морфем соответствует нормам матричного языка (The Morpheme Order Principle);
- системные морфемы являются единицами матричного языка (The System Morpheme Principle).

При этом морфемы подразделяются на системные (признак квантификации) и содержательные (выражение семантических ролей) [2, с.35-36].

Возникновение художественной литературы на том или ином коде свидетельствует о существовании или становлении литературного языка. Но дополнительным подтверждением всегда является возможность использования потенциала данного языка в качестве языка перевода. Илан Ставанс, американец с мексиканскими корнями, специалист по латиноамериканской культуре, преподаватель в Амхерстском колледже, осуществил лингвистический эксперимент, сделав перевод третьего акта пьесы У. Шекспира «Гамлет» на Spanglish [8]. Сам автор уточняет, что при переводе были использованы такие разновидности Spanglish: Chicano, Nuyorrican, Dominicanish, Cubonics. Другими словами, литературный Spanglish включает в себя региональные варианты Spanglish, что можно трактовать как возможность слияния таких наречий в общий диалект.

В переводе «Гамлета» Илана Ставанса на Spanglish выделяются два типа кодового смешения: чередование и включение, однако в большинстве случаев чередование используется. Примерами чередования являются фразы: «And pueden ustedes, by no drift de circunstancia, get from él why he puts on esta confusión...», «Avaro of question, pero de nuestras demandas most free en su respuesta», «Le preguntaron por any pastime?». Здесь легко выявляется принцип соблюдения структурных ограничений С. Поплак.

Выявляется и соответствие синтаксических структур на границах переключения: by no drift de circunstancia (соответствие испанского предлога de английскому предлогу of), get from él why he puts on esta confusión (за предлогом следует местоимение и существительное), Avaro of question, pero de nuestras demandas most free en su respuesta (соответствие предлогов of и de, существительное появляется после предлога), Le preguntaron por any pastime? (после предлога стоит существительное).

В качестве примеров включения можно привести фразы: «For in that sueño of death what sueños may come...», «Los recibió well?», «Most como gentleman». В первом случае матричным языком является английский язык, так как он определяет грамматическую структуру, в которую потом включается слово sueño и sueños. Во втором предложении матричный язык

– испанский, а в структуру предложения включается единичное слово well. В третьем примере английский язык – матричный, где включается слово-связка соmo.

Также в Spanglish определяется особое использование лексических единиц, которые выделила Р. Нэш [5]: не адаптированные к испанской грамматике английские лексические единицы (navy, army), адаптация английских слов к испанской фонологии и орфографии (roof – el rufo, carpet – la carpea), калькирование выражений (Lámame para átras – Call me back). В данном тексте используется слово, адаптированное к испанской грамматике (el shoque), и калькированные выражения: dulces cielos (sweet heavens), pero with much forcing a ser cortéz (предлог а используется как то перед инфинитивом в английском языке).

Таким образом, в данном тексте используются такие типы кодового смешения, как чередование и включение с использованием структур на английском и испанском языке. Используются и лексические единицы, не адаптированные к испанской лексике, и калькированные выражения. Приведенные примеры доказывают использование кодового переключения Spanglish в переводе «Гамлета» Илана Ставанса. При этом необходимость перевода классического произведения на Spanglish объясняется необходимостью оформить формальный регистр Spanglish, который бытует в устной форме и сохранить тем самым уникальность этого лингвокультурного явления. Интересно, что Ставанс также переводил на Spanglish другое классическое произведение, но уже испанской литературы - роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» Мигеля де Сервантеса.

Безусловно, результаты подобного эксперимента не стоит абсолютизировать, однако это подтверждает, что Spanglish обладает потенциалом, необходимым для перевода такого сложного художественного текста, и это свидетельствует о том, что происходит языковой процесс, результатом которого стало появление, по крайней мере, социального диалекта, используемого как в устной, так и в письменной речи, нашедшего свое место в художественной литературе и бытующего на разных уровнях общества среди людей, которых объединяет латиноамериканское происхождение их предков.

Список литературы

1. *Проценко Е.А.* Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004, №1. С. 125.
2. *Солженицына М.В.* Социолингвистические механизмы порождения и особенности функционирования Spanglish (на материале аудиовизуальных текстов). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014.

3. *Muysken P.* Bilingual speech. A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
4. *Myers-Scotton C.* Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford: Clarendon Press, 1993.
5. *Nash R.* Spanglish: Language Contact in Puerto Rico // *American Speech*, 1970, Vol. 45, No. 3/4. (Autumn - Winter) P. 223-233.
6. *Poplack Sh.* Sometimes I'll Start a Sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL: Toward a Typology of Code-switching // *Linguistics*, 1980, vol.18. (7-8). P. 581-618.
7. *Stavans I.* Spanglish: The Making of a New American Language. New York: Harper Collins Publishers, 2003.
8. *Stavans I.* Hamlet, translated into Spanglish. <http://lithub.com/hamlet-translated-into-spanglish/> (дата доступа: 31.03.2017).

*Анастасия Юрьевна Гришина,
студентка первого курса очного отделения,
научный руководитель: к.к., доц. Склизкова Е.В.*

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯМАЙКИ:
ФОРМИРОВАНИЕ КРЕОЛЬСКОГО ЯЗЫКА
LINGVOCULTURAL PECULIARITIES OF JAMAICA:
CREOLE LANGUAGE FORMATION**

***Abstract:** There are many varieties of English all over the world. Jamaica also has linguistic and cultural features. The main aspects are historical and social, phonetic, morphological and grammar points. It is important to raise the question of independence of Creole languages. This theme is interesting for research, because nowadays Jamaica is the zone of tourism, that is why communication between different groups of people is essential part of it.*

***Keywords:** broken English, Creole language, grammar, phonetics, variety, language process.*

После полуторавековой испанской оккупации, в 1655 году Ямайка перешла под контроль Британской короны. Английский язык стал показателем престижа и власти на острове, отражая социальный статус и положение его носителей, в то время как существующий креольский рассматривался в качестве языкового фрагмента разобщенной группы людей.

Белое население острова последовало за Британскими завоеваниями. Их численность к 1673 году достигла 7000, в то время как число негритянского населения подступало к 9000. Огромные сахарные

плантации, которые первоначально находились на Ямайке, требовали достаточного количества рабочей силы, тем самым вынуждая расти число рабского населения. Все эти факторы способствовали появлению креольского языка, как варианта английского, однако максимального простого в своем употреблении.

После освобождения от зависимости иммиграция рабочего населения все же имела место быть, но уже в малых масштабах. В XIX веке иммигранты обнаружили в Ямайке уже сформировавшийся креольский язык. Как отмечают исследователи, Ямайка после эмансипации, потерпела такие языковые изменения, которые в первую очередь отражали внутренние социальные, этнические, демографические и психологические изменения в стране.

Более образованные социальные группы говорили на английском. Английский был языком, используемым в газетах, на заседаниях суда, бюрократическим аппаратом, в то время как просторечный карибский вариант английского пестрил разнообразием форм и часто удостаивался названия «плохой английский» или «сломанный английский».

В настоящее время Ямайка является самым англоязычным государством Карибского бассейна. Тринидад и совсем небольшой остров Тобаго занимают второе место по распространенности английского.

Учитывая историко-социальный аспект возникновения Карибского варианта английского, стоит отметить несколько его особенностей. В рамках одного из основных различий можно отметить то, что традиционного британского разделения на долгие и краткие гласные в ямайском диалекте нет.

Открытый [æ] часто переходит в [a] man – [man], that – [dat], stand – [tan']. Гласные, в составе дифтонгов, меняются местами вместе со своим ударением: первые, ударные, перемещаются в конец, например nUa = know. Слабые гласные редуцируются o > a, u > w, i > y.

Например, [ei] переходит в [ie/ye] same – [siem], wait – [wiet], way – [wie], lazy – [liezi], [ou] часто трансформируется в [uo/ua]: coat – [kuot], know – [nua], don't – [duon], go on – [gwan], сочетание букв -ire- иногда читается [ia]: tired – [tia].

Начальные звуки [w] и особенно [h] могут употребляться свободно, т.е. могут и не произноситься (ooman - woman, ear - hear - слышать), а могут и, наоборот, появляться там, где их быть не должно (hears - ears - уши). Последнее (появление лишнего h в словах на гласную) плохо объяснимо с лингвистической точки зрения. В народе такая манера изъясняться получила ироническое определение Speaky-spoky/spiiki spuoki. Сочетание букв tr, dr часто дает аффрикату [tʃ], [dʒ]: trouble - chuble, train - chain, truck - chuck, country - konchri; driver - j(r)aiva, draw - j(r)aa. Но если звук [t] образовался из th, то [tr] чаще сохраняет свое звучание. Подобные изменения происходят со звуками t и d, и если после них следует [ju:]

сливаясь с полугласным [j], они превращаются в аффрикаты [tʃ], [dʒ]: Tuesday - [tʃu:zde], dew - [dʒu:]. В начале слова часто исчезает согласный [s]: stand - tan, swallow – walla. В середине слова происходит та же ситуация с этим звуком [t] (yesterday - [yeside]) и [l] (already - [a:redi]).

Одной из таких особенностей является частое употребление окончания –s не в формах 3 лица единственного числа. Отмечено, что частота появления данных форм возрастает не только в устной речи, но и в новостях, интервью.

Личные местоимения в ямайском креольском языке отличаются от стандартов английского тем, что лексика просторечного (базилектного) креольского не помечает гендерный признак имени существительного, в то время как мезолектный креольский отмечает сразу оба этих варианта.

Таким образом, личные местоимения могут совпадать с его притяжательной формой. **Я** чаще всего выражается местоимением **me**, то же касается **мне, меня**. **You** относится чаще ко 2-ому лицу единственному числу, а **Unu** - чаще ко 2-ому лицу множественному числу.

В настоящем времени вместо глагола-связки **to be** используется частица **a** (в формах **am, is, are**).

Относительно длительного действия, то в настоящем времени оно чаще всего выражается с помощью конструкции: частица **a** + инфинитив глагола (без частицы **to**). Причастия на **-ing** тоже встречаются, но чаще используются как отглагольные существительные и прилагательные. Отрицание выражается чаще всего с помощью частицы **no** (в ямайском варианте **nuh, na**) стоящей перед глаголом.

Будущее чаще всего не выражается никак, а совпадает с формами настоящего времени, если не считать конструкции **a go do smth = (am, is, are) going to do smth** - собираюсь, собирается, собираются сделать то-то и то-то.

Прошедшее опять же либо не выражается никак и совпадает с настоящим временем, либо с помощью употребления **did** или **en** перед глаголом в инфинитиве (без частицы **to**). В отрицательных предложениях прошедшее время образуется с помощью наречия **neva, neba** (британское **never** - никогда). **Me neba nuo dat.** - Я этого не знал.

В специальных вопросах отсутствует вспомогательный глагол, что является примером неформального использования.

Креольские имеют твердую привязанность к лингвистическим стандартам. Именно поэтому с точки зрения лингвистики правильнее говорить о стандартном английском, как и о стандартном ямайском, стандартном языке Гаити и т.д., то есть, как о самостоятельных языках, а не как о вариантах или диалектах английского или нидерландского.

Основная часть жителей Ямайки являются билингвами в различной степени. Естественно, кто-то знает только ямайский. А тех, кто говорит

исключительно на английском меньшинство (возможно, это англичане, американцы или канадцы, живущие на Ямайке).

Это лишь абрис всего того, что представляет собой один из креольских языков. Данный пласт интересен для исследования, не только с исторической точки зрения, но и с современной. Ямайка – это также зона туризма, а коммуникация – неотъемлемая его часть.

Список литературы

1. *Беликов В. И.* Компаративистика и креольские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М.: Букинист, 2004. С. 267.

2. *Фолкес К.* 15 причин считать ямайский патуа отдельным языком. Перевод с англ.: Дмитрий Ловерманн. М.: АТС, 2007.

3. *Deuber D.* The background and context of English in Jamaica and Trinidad. In English in the Caribbean: Variation, Style and Standards in Jamaica and Trinidad. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

*Елена Владимировна Дворниченко,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры лингвистики и МКК
ИСК «РГУ им. А.Н. Косыгина»*

«АВТОПОРТРЕТ В СФЕРИЧЕСКОМ ЗЕРКАЛЕ» ДЖОНА ЭШБЕРИ КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ЭКФРАСИС JOHN ASHBERY'S «SELF-PORTRAIT IN A CONVEX MIRROR» AS A POETIC EKPHRASIS

Abstract: The article treats the famous John Ashbery's poem as a sample of a poetic ekphrasis which is more than a rhetorical exercise or a homage to the painting. The dialogue between poetry and painting is realized through cinematographic methods: poetic motion functions as a camera, and narration, very close to the cinematographic narrative, creates new space and new memory. The cinematic visuality of Ashberian text makes the process of translation (from visual to written language) easier and allows to keep the tone, distance and mystery of the Renaissance painting enriched anyway with new visions and elucidations proposed by the lyrical hero and potential interpreters of the poem.

Keywords: camera motion, cinematic visuality, dialogue, ekphrasis, John Ashbery, modern poetry, painting, representation, self-portrait.

Экфрасис (экфраза) – особый тип риторических упражнений, который возник в Греции приблизительно в I в.н.э. и представлял собой текст-описание в прозаической или поэтической форме какого-либо объекта. [1, с. 259; 9, с.26]

Считается, что первым примером экфрасиса в литературе является описание щита Ахилла в «Илиаде» Гомера. Среди других известных примеров можно назвать описание храма Энея в Книге 1 Вергилиевой «Энеиды» и Песнь X «Чистилища» Данте, в которой описаны мраморные рельефы, изображающие царя Давида, императора Траяна, а также сцену Благовещения, а позднее, например, знаменитую «Оду к греческой вазе» Китса или описания картин вымышленного художника Эльстира в эпосе Пруста «В поисках утраченного времени».

Интересно, что именно американская литература дает нам множество примеров экфрасиса, начиная с Эдгара Аллана По и Натаниэля Хоуторна. Эксперименты с передачей визуальных образов и, в частности, опыты экфрасиса привлекали американских поэтов XX в.: такие разные авторы с совершенно различным видением мира, пониманием и отношением к жизни, смерти, красоте, поэзии, поэту и творчеству как Эзра Паунд, Гертруда Стайн, Уильям Карлос Уильямс, Уоллес Стивенс, Фрэнк О'Хара, Джон Эшбери так или иначе экспериментировали с передачей визуальных изображений вербальными средствами.

Особенностью любого текста-экфрасиса является то, что автор работает с другим завершенным произведением искусства, пытаясь не только интерпретировать его, но и установить с ним связь, то есть осуществить акт коммуникации. Количество же интерпретаций, их потенциальный конфликт и противоречивость повышают эстетическую ценность произведения искусства, усиливая и расширяя интерес профессионального сообщества и обычных зрителей/читателей к данному объекту [3, с.82]

Другая отличительная характеристика – изначальная диалогичность экфрасиса, без реального или воображаемого собеседника экфрасис теряет смысл. При этом один из собеседников выступает в роли экспликатора, мудрого и знающего, другой же собеседник превращается во внимательного слушателя, изредка подающего реплики или задающего вопрос. Впрочем, подобная форма (вопрос=ответ) может быть и отражением каких-либо неведомых нам обычаев и ритуалов [1, с. 261, 263]

Одним из самых известных примеров этого типа текстов является стихотворение или поэма (553 строки, здесь и далее указание на номер строки сделано автором) современного классика американской литературы Джона Эшбери (род.в 1927 г.) «Автопортрет в выпуклом зеркале» (1975), за которое ему были присуждены три престижные литературные премии, в том числе Пулицеровская. Эшбери формально относят к Нью-Йоркской поэтической школе, к которой принадлежал, например, и его друг Фрэнк

О'Хара, однако его творчество трудно отнести к какому-либо художественному течению или группе. Эшбери – одиночка и по характеру, и по стилю. Его сложные, перенасыщенные смыслами, аллюзиями и референциями тексты больше всего похожи на вечно меняющийся калейдоскоп образов и оттенков. Но основной его темой всегда была и остается поэзия как искусство, как одновременно процесс и результат творения, как сотворение нового смысла и образа.

Уже само название стихотворения отсылает нас к произведению искусства, так как совпадает с названием описываемой в нем картины. «Автопортрет в выпуклом зеркале» - действительно существующая картина, написанная в 1524 г. молодым мастером эпохи высокого Возрождения, одним из основоположников маньеризма – Пармиджанино (Франческо Маццола, родом из Пармы), которого называли наследником Рафаэля в живописи.

Работа Пармиджанино представляет собой любопытный эксперимент: художник писал автопортрет на доске, изготовленной из расколотого деревянного шара, по размерам соответствующей зеркалу. Мастер тщательно воспроизвел все оптические искажения, какие были в выпуклых полированных зеркалах того времени, сделав фигуру центром композиции, вокруг которой словно вращаются, сменяя друг друга стены, потолок, окно. Внимание зрителя сначала привлекает тонко выписанная изящная кисть молодого человека в обрамлении воланов рукава, затем взгляд останавливается на лице, выражение которого спокойно и отстраненно, а потом следует плавным линиям на выпуклой поверхности, отчего создается эффект меняющегося пространства за спиной портретируемого.

Исключительный талант художника был высоко оценен еще при его жизни, о чем свидетельствует Джорджо Вазари во второй книге своих «Жизнеописаний»; Эшбери приводит точную цитату Вазари, устанавливая некую метку в пространстве стихотворения, от которой позднее переброшен мост к цитате из искусствоведческой монографии, посвященной Пармиджанино, создавая тем самым не только «коридор времени», но и задавая критерии отношения к произведению искусства [4, с.188; строки 9-15]. Подход Эшбери, включающего научный искусствоведческий текст (более того, напрямую указывая источник заимствования, причем это не только Вазари, но и исследователь XX в. С. Фридберг), в пространство стиха, выглядит своего рода вызовом: традиционно наука и искусство едва ли не противопоставляются друг другу. Но в пространстве поэмы они сосуществуют и взаимодействуют [4, с. 193-194; строки 187-192; 212; 219-223].

Несомненно, работы Пармиджанино, отличающиеся странной напряженностью, ощущением тайны, закрытости, являющиеся результатом интеллектуальных изысканий художника, о чем сожалел тот

же Вазари, привлекли внимание Эшбери, чьи произведения можно кратко описать теми же словами. Уже в самом начале поэмы преодолеваются границы между миром реальным и миром текста, миром искусства и миром науки.

По терминологии Е.В.Яценко, стихотворение-поэма Эшбери «Автопортрет в выпуклом зеркале» относится к прямому миметическому атрибутивному экфрасису (иными словами, это описание реально существующего произведения искусства, чей автор назван напрямую и отсылка делается к конкретному произведению [10]). Однако это относится лишь к первой части стихотворения (строчки 1-1010). Большая часть текста соединяет в себе черты сложного (многоаспектность), диалогического (диалог поэта с художником) и синкретического (соединение различных видов искусств) экфрасиса.

Эшбери достаточно подробно представляет изображение на картине, выступая в роли зрителя, правда, скорее не рядового, а профессионального, разбирающегося в истории и теории искусства. Затем лирический герой Эшбери превращается в свидетеля, он попадает в комнату художника и получает возможность наблюдать за актом творения изнутри, но это означает, что и художник может наблюдать за творением поэта. Этот переход из одной ипостаси в другую совпадает и с перемещением во времени. В поэме есть как минимум два зрителя-наблюдателя: один рассматривает картину в XX в., другой наблюдает за мастером в XVI веке. Но есть и молчащий художник, выступающий и слушателем, и наблюдателем, и потенциальным экспликатором [1]. Для Эшбери важен метапоэтический подход: он анализирует творческий процесс, выступая одновременно в качестве творца и художественного критика. Для него диалог с картиной – не просто воображаемый диалог с художником, но и попытка взглянуть на изображение из внутреннего пространства картины, и одновременно это необходимость найти способ передать изображение средствами языка.

Отечественный переводчик и исследователь Ян Пробштейн полагает, что Эшбери хочет преодолеть герметичность художественной формы, разрывая хронологические рамки, заставляя время превратиться в вечное движение, поэтому преобразует категорию времени, делая ее относительной и условной. Поэт расширяет герметичный мир живописи, включая в пространство поэмы потенциал поэзии и возможности живописи. В стихотворении совмещается время создания картины Пармиджанино и время созерцания ее поэтом, а пространство изображения перетекает в пространство, где творит поэт. Искусство соединяет эпохи, преодолевая временную пропасть, ради соединения фрагментов постоянно распадающегося времени, [9] исчезают препятствия для ведения диалога.

Однако, если учесть, что любой текст подчиняется логике вербального мышления (начало – середина – финал) и ограничен

пределами внутреннего времени текста, а любая живопись лишь создает иллюзию перспективы и движения, и любая картина герметична, то, следовательно, необходим способ, позволяющий преодолеть эти ограничения. Эшбери помещает картину Пармиджанино внутрь поэмы, разрушая временную организацию стиха, при этом он вводит пространственные координаты и маркеры движения, присущие живописи, что подчиняет поэму законам пространства и дает ей возможность существовать вне времени. Текст подчиняется ритму картины и одновременно ее ограничениям [6, с.70].

Понять, как соотносятся пространство и время в данном стихотворении помогает другое произведение Эшбери. Во время работы над поэмой Эшбери пишет стихотворение в прозе (по сути, поэтическое эссе) «Система», в котором размышляя об удивительной целостности человеческого сознания и извечном стремлении вернуться к этому ощущению, поэт указывает на способность фильмов дарить ощущение реальности происходящего, унося из зрителя из сегодняшнего дня в некое прошлое (кино – это по определению прошлое, так как оно уже сделано), и давать возможность осознать ценность настоящего, на поверхности которой может проявиться новый образ [4, с. 158].

Однако пространство также ограничивается как физической способностью человеческого зрения, так и формой, и поверхностью. Как представляется, именно эти категории важны для Эшбери. Поверхность же – в Аристотелевом понимании - есть точка, за пределами которой ничто не принадлежит этому пространству, и точка, внутри которой все является частью этого пространства: «The surface is what's there / And nothing can exist except what's there» «everything is surface» [4, с.190, 189]. Иными словами, это условная двумерная плоскость, разделяющая трехмерное пространство на внутреннее и внешнее (например, в сфере) или верх и низ (двумерное пространство).

Выпуклое – сферическое – пространство картины предстает идеальной поверхностью, которая превращает внутреннее пространство картины в закрытую систему и одновременно в объект бесконечных интерпретаций. При этом очевидно, что экфрасис – сам по себе интерпретация, а значит изначально субъективен, следовательно, многообразен и вариативен [7, с.31, 33].

С точки зрения теории искусства, автопортрет является репрезентацией и саморепрезентацией одновременно, но в любом случае это субъективная интерпретация, которая, по определению, искажает истину, потому что основана на индивидуальном, субъективном знании. Таким образом, любой портрет внутренне противоречив и двойственен. И это роднит его с кинематографией, для которой характерно использование первичной и вторичной идентификации [2, с.209] (идентификация зрителя по отношению к собственному видению (чего я ожидаю и что я вижу:

пейзаж, глаз зрителя=глаз камеры, зритель=бог) и идентификация с персонажем). В поэме Эшбери это происходит как минимум дважды: с лирическим героем стихотворения – поэтом-критиком, а также с читателем. Сферическое пространство делает зрителя центром композиции, его видение задает тон пониманию, и тот же прием - двойное отстранение - создает необходимую дистанцию между зрителем/читателем и произведением: цитата Вазари, цитата Фридберга; автор-художник (поэт), человек-зритель и критик [4, с. 188; 195].

В известном смысле, любая поверхность – это идеальное отражение, в котором мы видим то, что видим, или хотим увидеть: взгляд фиксирует отражение, но его интерпретация заставляет нас двигаться за поверхность в поисках ответов. А зеркало множит сущности, каждая из которых есть отражение другой, и во множестве этих сущностей теряется значение [4, с.188, строчки 16-19; с.200, строчки 428-429]. Воображаемая линия, отделяющая зрителя от пространства полотна Пармиджанино, есть граница по-time, за которой мы осознаем прошлое, а приближение или удаление от этой линии помогает создать «long corridor», который не только возвращает нас к картине мастера (строчки 390-392), но и конкретизирует тот особый момент настоящего, «never-to-be-defined daytime», в который осуществляется трансформация.

Как и живопись, кино остается герметичным, прямой диалог между фильмом (режиссером, персонажем, изображением) невозможен, зритель всегда находится на дистанции. Вместе с тем кино нарративно, оно использует языковые средства для высказывания, и само порождает другое высказывание [2, с.87], однако киноязыку присущи свои неповторимые качества, в том числе непрерывность и композиционное единство [7, р.38]. Искусство монтажа помогает придать истории нужный ритм подобно тому, как ритм формирует поэзию [1] (даже если это нерифмованное стихотворение).

Если живопись материальна (кисть, холст, краски, бумагу можно не только увидеть, но и осязать, обонять, даже услышать), а поэзия нематериальна и создает целые миры буквально из ничего, то кино обладает обоими качествами. Преодолевая извечный конфликт визуальных искусств и литературы, Эшбери, который интересовался возможностями кинематографии, объединяет их с помощью приемов и методов кинематографии – визуального искусства, основанного на истории, сюжете и точке зрения автора, представленных на материальном носителе. Поэт всегда, и визуальные образы его стихов отличаются особой выстроенностью пространства, как если бы режиссер и оператор это делали, мизансцены выстроены, заданы границы кадра, внутреннее движение текста всегда подчинено ритму скользящих, текучих визуальных образов [11].

Кино – единственная возможность, с одной стороны, отъединиться от сегодняшнего дня, и, с другой стороны, уникальный инструмент самопознания и осознания себя и окружающего мира. Фокусируя внимание на прошлом, «на прозрачном темном киноэкране» [4, с.188], человек оживает. Фильм способен придавать форму бесформенным ощущениям и вместе с тем сохранять дистанцию, необходимую для осознания себя, собственного творения и места в этом мире, а это как раз то, что трудно сделать, используя только средства живописи или только поэзии. Рама картины подобна кинокадру, служит границами «кадра» в поэме, а движение взгляда от кисти руки к лицу художника и искаженному пространству позади него задает перспективу, в то же время рука живописца, словно отгораживающая его личное пространство, задает горизонтальную линию.

Представляя картину, Пармиджанино Эшбери прибегает к кинематографическим приемам: укрупненный план (1-4) – отъезд камеры/крупный план (4 – 10) – средний план (15-20) – панорамная «съемка» (20-21) [7, с. 210-214]. Благодаря плавным переходам от одного плана к другому, имитирующим движения камеры, создается особый ритм текста, направляющий внимание зрителя на деталях (кисть руки, зеркало); то рассеивая внимание (комната, где обитает поэт). Любопытно, что поэт и его размышления о природе творчества подчиняются плавному ритму текста, который весьма напоминает основной эстетический закон художественного фильма: объект съемки подчиняется движению камеры [2, с.53-55].

Более того, в стихотворении скрупулезно соблюдено правило 180-ти градусов [4, с. 188; 7, с.82-84]: переход из пространства портрета Пармиджанино в пространство лирического героя, и наоборот, при сохранении направления взгляда, кажется, что невидимый собеседник (или сам юный художник с безмятежно-бесстрастным выражением лица?) смотрит на мир XX в. из глубины веков и пространств. Благодаря соблюдению этого правила, вместо сферического зеркала зритель как бы оказывается внутри сферы и обретает возможность воспринимать движение, пространство, работает периферическое зрение, пространство вокруг зрителя перестает быть ограниченным: увидеть можно не только то, что существует рядом, но и то, что раньше не могло быть замечено [5, с. 376-377, 378].

Соположение этих временных пластов в пространстве текста грамматически отражается использованием *The Present Indefinite Tense*, *The Present Continious*, *infinitives*, *Past Indefinite*, подобный выбор грамматических времен делает пространство и вневременным, вечным и разворачивающимся на наших глазах («something in the nature of daily being or happening»). Фактически, поэт говорит о компоновке кадра, течение времени внутри которого автономно и подчинено логике изображения и

развития пространственного сюжета. Форма (в данном случае – круглое зеркало) несет на себе организующую функцию [4, с.194, строчка 122].

Но расширяется не только внутреннее пространство поэмы, в ней появляются новые персонажи, которых нет и не может быть в автопортрете. В «кадре» стиха появляются друзья (их сумеречные голоса звучат на заднем плане – пожалуй, эти голоса задают тон своеобразному «саундтреку»), лирический герой-поэт обретает свободу передвижения, легко перемещаясь из студии художника на улицы Рима 1520-х гг., Вены 1959 г., Нью-Йорка 1970-х гг. [4, с. 195, строчки 252-259], располагая их так, как если бы он делал монтажные склейки в фильме. «Кадры» следуют друг за другом, так что невозможно понять, где именно сделана «монтажная склейка». Затем «камера» вновь возвращается к пространству студии [4, с. 270.] Эшбери акцентирует работу Пармиджанино со светом – художник увлекался оптическими экспериментами [4, с. 188, строчки 22-24, с.189, строчки 70-72, с. 198, строчки 360-362], но свет также – один из основополагающих компонентов для создания фильма.

Применение кинематографических способов связи поэзии и живописи позволяет выйти за пределы «Автопортрета»/«Автопортретов» и включить в сферу весь окружающий мир. Даже интертекстуальные референции, начиная от прямого цитирования работы Дж.Вазари и С. Фридберга (можно, пожалуй, сказать, что два историка искусства выступают соавторами текста) до упоминания Девятой симфонии Малера и ссылок на малоизвестную пьесу Шекспира [4, с.194, строчки 315-320], служат маркерами присутствия других пространств и других времен внутри пространства автопортрета. Визуальное и текстовое пространства обретают равные права, художник XVI столетия и лирический герой Эшбери находятся в диалоге, который устанавливает знак равенства между различными видами искусства.

Соположение живописи и поэзии создает некий визуальный коллаж, который помогает почувствовать и осознать уникальность и неповторимость акта творения. И особость, Otherness творца [4, с.195, строчки 240; с.202, строчки 468-479], состоит в способности понять это качество у другого творца, в диалоге каждый собеседник выступает в роли зеркала, отражающего того, кто в него смотрит, отсюда искажение, свойственное всякому субъективному восприятию. При этом ни один художник не может избежать искаженных интерпретация своего замысла [4, с.201, строчки 445-449], но это условие игры: если что-то обсуждается, значит это интересно, стоит затраченных на творение усилий. В поэме Эшбери оба творца свидетельствуют акт творения – живописного полотна и текста, но при этом оба находятся в фокусе зрения некого потенциального зрителя.

То же происходит в любом фильме, где отстранение – режиссерское видение, зрительское видение. С учетом того, что всякое представление

субъективно и относительно, во вневременном пространстве кино «пламя спички может показаться взрывом на Солнце или ничего не значить, оставшись точкой в однообразии тьмы ночи» [4, с.158], и лишь фокусирование зрения на прошлом, на прозрачной пленке (идея поверхности) фильма совершает процесс трансформации, перехода в иное пространство, где зритель и творец заново обретают себя.

И живопись, и поэзия, и кинематография для Эшбери – способы фиксации важных моментов «здесь и сейчас» («lapidary Todayness», [4, с.199, строчки 380-383) запечатленных властью Художника, которые значимы для зрителя в другой момент «здесь и сейчас», когда он смотрит на произведение искусства. Это не заполнение лакун, не восстановление утраченных связей, не реконструкция прошлого, которое закончилась, как заканчиваются фильмы в кинотеатре, это - осознание того, что «все, что у нас есть, это сейчас, а утраченное время, не составив следа, поглотил океан» [4, с.160]. Время созерцания, погружения в другое произведение искусства не только перемещает в другие эпохи, оно делает все эти эпохи относительными («all time / Reduces to no special time», [4, с. 199-200, строчки 404-405]

Память – важное понятие для Эшбери, и кино работает с механизмами памяти, вызывает воспоминания, в конце концов, оно само способно стать репрезентацией памяти (документальное кино, семейная видеохроника). Визуальный образ – источник памяти, поэзия наполняет образ жизнью.

Вместе с тем память изменчива, если что-либо вспомнилось, возникает первое яркое впечатление, работают разнообразные аналогии и ассоциации, но после того, как это воспоминание отходит на второй план, бледнеют и связанные с ним образы («Only this world is not as light as the other one; it is made gray with shadows like cobwebs that deepen as the memory of the film begins to fade. This is the way all movies are meant to end, but how is it possible to go on living just now except by plunging into the middle of some other one that you have doubtless seen before?» [4, с.160]).

И можно предположить, что в стихотворении «Автопортрет в выпуклом зеркале» Джон Эшбери решает задачу не только репрезентации визуального образа вербальными средствами, но и решает проблему перевода визуального языка на язык поэзии, используя технику, применяемую в новом, по сравнению с живописью и поэзией, виде искусства – кино. Экфрасис выходит за границы жанра, превращаясь из описательного оммажа произведению искусства в самостоятельное произведение, обладающее собственной историей и образностью, поэтическое пространство текста становится экраном, на котором проявляются образы, выплывающие из памяти.

Живописные образы приводятся в движение с помощью кинематографических приемов, а поэзия наделяет эти движущиеся

картины новым содержанием, придавая дополнительные оттенки, изменяя направление мысли читателя. Такая сложная конструкция позволяет не просто исследовать один вид искусства (живопись) сквозь призму другого вида искусства (поэзии), но осуществить обратное действие при помощи привлечения методов, присущих кинематографии, кинематографический нарратив служит средством перевода, передавая смысл и тональность исходного высказывания.

Поэма Эшбери является не только экфрастической репрезентацией автопортрета Пармиджанино, и, в свою очередь, автопортретом поэта, а также метапоэтическим текстом, раскрывающим суть поэтического творчества, но и репрезентацией всех возможных вариаций на тему толкования содержания и формы, как поэмы, так и картины.

Эшбери достигает уникального эффекта: создавая иллюзию движения, активного, хотя и невидимого, диалога между живописью и поэзией, автор показывает читателю огромный мир, состоящий из сменяющихся персонажей и пейзажей, окружающий художника XVI столетия и поэта XX века, и существующий равно в их воображении, произведениях, и в читательско-зрительском восприятии.

Благодаря безупречному, кинематографически точному изображению, картина итальянского мастера и текст поэмы не утрачивают своей сложности и загадочности, а, напротив, обогащаются новыми смыслами и образами.

Список литературы

1. Брагинская Н.В. Экфрасис как тип текста: к проблеме структурной классификации // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели: структура балканского текста. М.: Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики, 1977. С. 259-283.

2. Омон Ж., Берсала А., Мари М., Верне М. Эстетика фильма. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. Спб: Симпозиум; М.: Издательство РГГУ, 2007.

4. *Ashbery J.* Selected poems. New York: Elisabeth Sifton books, Viking, 1985.

5. *Benedikt M.L.* On mapping the world in a mirror // 1980, Environment and Planning B, volume 7. P.367-378

6. *Benedikter R., Hilber J.* The Post-Modern Mind. A Reconsideration of John Ashbery' «Self-Portrait in a Convex Mirror» (1975) from the Viewpoint of an Interdisciplinary History of Ideas // Open Journal of Philosophy, 2012, Vol.2, No1. P. 64-73.

7. *Brown B.* Cinematography. Theory and Practice. Elsevier, Focal Press, 2012. 2d edition.

8. *Fowler P.D.* Narrate and Describe: The Problem of Ekphrasis // *The Journal of Roman Studies*, 1991, Vol. 81. P.25-35.

9. *Пробштейн Я.* Глядя в выпуклое зеркало. 2014, Новое литературное обозрение, №1 (125). <http://www.nlobooks.ru/node/4594>

10. *Яценко В.Н.* «Любите живопись, поэты...». Экфрасис как художественно-мировоззренческая модель // *Вопросы философии*. 2011, № 11.С. 47-57. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=427 (дата доступа: 10.03.2017).

11. *Kermani D.* John Ashbery's Cinema Paradiso: Domestic Elements as Poetry // *John Ashbery Created Spaces. A Dream of This Room*. <http://www.raintaxi.com/literary-features/john-ashbery-created-spaces/john-ashberys-cinema-paradiso-domestic-elements-as-poetry/> (дата доступа: 03.04.2017).

*Александр Николаевич Санкавец,
студент первого курса заочного отделения,
научный руководитель: к.к., доц. Склизкова Е.В.*

**ИНТЕРНЕТ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА
INTERNET AS A FACTOR OF THE RUSSIAN LANGUAGE
DEVELOPMENT**

Abstract: In our days there is a tendency to simplify the language to communicate. Mostly it happens under the influence of the Internet. The Russian language is developing as the most languages of the world, and is inclined to losing specific linguistic schemes, cohesion, and to borrowing. So, one can be aware if it is the real progress or just losing of national identity, and a tendency to literacy of the native speakers.

Keywords: Internet, jargon, neologism, reduction, simplification.

Сегодня многие ученые, учителя и независимые эксперты все чаще говорят о негативных тенденциях в развитии русского языка, говорят о его истощении, о потере присущих языку глубины и выразительности. Отчасти это связано с появлением в нашей жизни современных технологий. Интернет, который еще для большинства наших соотечественников двадцать лет назад казался небылицей, сегодня уже стал неотъемлемой частью нашей жизни. Если ранее люди общались с помощью писем, в которых они старались выразить свои эмоции, мысли и чувства в как можно более красивой форме, то сегодня молодежь в большей степени пытается общаться на как можно более упрощенном,

облегченном от лишней выразительности языке. И чем дальше, тем сильнее все это будет отражаться в первую очередь на речевой культуре подрастающего «информационного» поколения, переводя литературный русский язык в разряд «кабинетного», доступного только ученым-лингвистам и филологам. Не все с этим согласны - утверждая, что это только способствует развитию языка; однако, замена фразы «ты очень милый и забавный человек» фразой «ты няша» - это скорее избыточное упрощение, чем развитие языка. Сеть Интернет на сегодняшний день является одним из главных средств общения в большинстве развитых стран, в том числе и для России.

Также буквально в последние пару лет наблюдается тенденция к использованию неправильной приставки «тыж-» и «яж-». Не составляет труда проследить, что данные аффиксы состоят из двух слов – местоимения «ты/я» и частицы «же». Слова, создаваемые с помощью этих приставок, чаще всего полисемантические – прагматика их употребления может представлять собой в определенных речевых ситуациях как обращение к субъекту, так и наименование субъекта. Причем в случае обращения прагматика преследует просительную цель, а в случае определения субъекта словом с вышеуказанными аффиксами этот термин чаще несет в себе оскорбительный характер.

Является бесспорным утверждение, что Интернет – это в первую очередь величайшее изобретение человечества прошлого столетия, которое позволило совершить просто гигантский прыжок в будущее, а потом уже средство развлечения. Вместе с упрощением нашей жизни, интернет также открывает перед нами новые возможности – в том числе, и в развитии языка.

Однако также можно с уверенностью сказать, что и отрицательных сторон в интернете очень много: сокращается круг общения, впустую теряется большое количество времени. Возникает коммуникативная ситуация, в которой страдает больше всего устная речь. Ведь для развития риторики необходимо общение, причем общение в самых разнообразных стилях – от научного до жаргона. Кодирование и декодирование информации, воспринимаемой только в виде сухого текста, приводит речь субъекта в состояние стагнации. Также на эту ситуацию влияет и скудность средств общения – через текст весьма сложно выразить эмоциональное состояние собеседника, и наличие специальных средств выражения эмоций, смайлов, не улучшает ситуации, а, напротив, опускает лексикон человека до уровня Элочки-Людоедки.

С появлением в нашей жизни Интернета наш лексикон стал пополняться новыми словами – «Интернет-неологизмами». С одной стороны, новые слова способствуют развитию языка, но это происходит только в том случае, если они не являются тенденцией к упрощению уже существующих слов и языка в целом. Подавляющее большинство таких

слов появляются в англоговорящих странах – в первую очередь, в Америке. Поэтому вполне закономерно, что для огромного множества таких слов не находится эквивалентов в русском языке, и таким образом, сегодня язык молодежи все более заполняется английскими словами (например, *dude*, *holuwar*). Также на пополнение лексикона влияет и все возрастающий в молодежной среде интерес к различным компьютерным играм.

В повседневной жизни мы пользуемся двумя вариантами языка – сложным письменным и простым устным. Интернет же со временем стал прародителем третьей, можно сказать, промежуточной разновидности языка, соединившего в себе точность письменного языка с краткостью устного. И он весьма быстро набирает свою собственную лексику.

Например, слова «аська» и «мыло» давно уже выбрались из разряда неологизмов и прочно засели в разговорной человеческой речи. Так называемый «сетевой» жаргон неофициально превращается в странный для большинства диалект, непонятный для тех, кто не является посвященным. Зачастую, при заходе на какой-либо популярный форум, не понятно, какой язык эти люди используют в общении между собой. Присутствуют сильные искажения знакомых слов и речевых оборотов, множество орфографических ошибок, таинственные выражения, которые, тем не менее, понимают окружающие люди.

Сегодня в жизни можно встретить человека, который активно или пассивно использует «ломаный» язык, активно практикующийся в сети Интернет – так называемый «олбанский» язык, который, тем не менее, не имеет абсолютно никакого отношения к Албании. Так называется жаргон частых посетителей различных чатов, форумов и простых сайтов, чаще всего развлекательного характера. Данный язык не имеет официального признания ввиду отсутствия в нем научной парадигмы.

Фактически, морфология данного языка отсутствует ввиду отрицания языковых правил – и как следствие, возникновения негативных коммуникативных ситуаций. Основой данного языка является возведение ошибки в слове в культ, в главное и зачастую единственное правило общения – то есть, слова и фразы с ошибками являются единственно признаваемыми. Два основных правила данного языка – «пиши, как слышишь», и постанова в конец слова шумных звонких согласных, которые невозможны в обычном произношении (превед, Медвед).

Однако, отрицая все правила, субъекты, тем не менее, придерживаются определенной, присущей языку семиотической системы ввиду построения этого языка на базе уже существующего. К тому же, понимание принципов построения слова и текста доступно в большинстве случаев только ученым-филологам и лингвистам. Вследствие этого отказ от существующих правил словообразования все равно приводит к речи по определенным нормам, труднопонимаемым для окружающих.

Очень часто владение человека «олбанским» языком – это показатель его принадлежности к огромному сообществу интернет-общения, в котором он становится «одним из нас», «своим». Однако встречая такого человека, часто теряешься в сомнениях: автор использует «олбанский» язык, или же просто патологически безграмотен. В развивающемся информационном обществе, когда правильная и точная информация – это ценный ресурс, безграмотность должна считаться пороком – и наоборот, умение говорить и писать правильно и красиво должно быть почетным и уважаемым. Иначе создается впечатление, будто среди молодежи, а иногда и людей постарше, является модной тенденция выставлять себя в неприглядном свете – то есть, просто глупцом.

Сегодня на Интернет возложено множество функций – информативная, коммуникационная, а также развлекательная и воспитательная - и он с успехом их выполняет. Однако истинные масштабы его влияния мы сможем оценить в тот момент, когда в большую жизнь вступит новое, то самое поколение, которое называют «информационным». Каким оно станет, предсказать сегодня весьма сложно. Но именно нам следует задуматься о сохранении нашего родного языка, о предотвращении превращения его истощения и потери большей части эмоциональности. Стихи А. Ахматовой [1, с.285], написанные в 1942 году, являются актуальными для всех нас и по сей день:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,-
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Список литературы

1. Ахматова А. Мужество // Сочинения в 2-х томах. М.: Панорама, 1990. Т.1. С. 285.

*Ольга Викторовна Седова,
студентка пятого курса заочного отделения,
научный руководитель: к.и.н. Дворниченко Е.В.*

МЕТАФОРА В СПЕЦИАЛЬНОМ ТЕКСТЕ (ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА)

METAPHOR IN ECONOMIC TEXTS

Abstract: Metaphor is one of the basic cognitive mechanisms used in writing, its functioning in specialized texts reveals the potential of this trope and, at the same time, proposes more detailed and comprehensive classification of metaphorical expression presented in economic articles.

Keywords: *abstract metaphor, business discourse, cognitive metaphor, economic texts, encoding metaphor, English for special purposes, textual metaphor.*

Любой текст обладает следующими критериями: связанность; целостность; причинность; интенциональность; приемлемость; информативность; ситуационность и интертекстуальность. Данные критерии сформулированы Р. Де Бограном и В. Дресслером и составляют основу для анализа текста [5, с.39]. Однако принадлежность к различным функциональным стилям делает тексты более специфичными. Так, тексты, относящиеся к официально-деловому стилю, например, деловая корреспонденция отличаются высокой частотностью использования клише, эмоциональная составляющая в них сведена к минимуму, что прослеживается не только в лексическом, но и грамматическом, прежде всего, пунктуационном оформлении. Наоборот, личная переписка тяготеет к разговорному стилю, в ней чаще встречаются эллиптические конструкции, используется сниженная лексика и т.п.

Отличительными чертами научного стиля являются: логическая последовательность повествования; упорядоченная система связей внутри текста; точность, однозначность, лаконичность в выражении при насыщенном содержании. Применительно к экономической проблематике все сказанное выше трансформируется в специальные и узкоспециализированные экономические статьи высокой степени информативности. Наиболее распространенным жанром является статья, реализуемая в письменной форме.

Метафоры в деловом английском дискурсе могут подразделяться по функциональному признаку [3]:

1) выполняющие текстообразующую функцию [2, с. 127], то есть имеющие способность быть мотивированными, развернутыми (содержательно-подтекстовая информация): «Investors have responded by erasing roughly 40% of the automaker's market value since late April, and company *shares are now sitting* near a record low» [8]; или: «But when they expect inaction, even a minor slowdown might *snowball* into something bigger, raising the prospect of a rapid sell-off that might itself undermine confidence» [9]. В данном контексте метафоры позволяют представить экономические процесс или явление непрерывными и многоуровневыми, какими они и являются на самом деле, и передают непосредственно содержание высказывания с учетом оттенков, представленных в образах.

2) выполняющие функцию концептуализации – когнитивная метафора [4]. Метафоры могут быть объединены в разные подгруппы: животные, растения, спорт и игры, вода, здоровье, война и т.д.

«For well over a decade, China has been *an engine of global growth*. But blistering *pace of economic expansion* has slowed» [8, 2016, 418/8972, с.11].

«The British government is also trying to constrain *the growing army of part-time land lords*» [8, 2016, 419/8983, с.8].

Здесь происходит перенос некоторых смысловых черт из родной области какого-либо объекта в другую область.

3) выполняющие экспрессивно-оценочную функцию - воздействие метафоры на адресата речи [2, с.251];

«As well as general worries about the state of the world economy, investors fretted about the health of European banks, causing *wild swings* in their share prices» [8, 2016, 418/8976, с. 6].

Использование метафоры преследует цель выражения отношения автора или группы авторов, или оказания влияния на аудиторию: «If Europe's trustbusters *bless the deal*, governments should block it unless its backers allay concerns about financial stability» [9].

4) Выполняющие кодирующую функцию – обращают внимание на проблему за счет сжатия и зашифровывания информации [6, с.104]: «Less than a decade ago the world scrambled for oil, largely to fuel *China's commodity-hungry growth spurt*, pushing prices to over \$140 barrel in 2008» [8, 2016, 418/8973, с.17-19].

«For much of the past decade, Australia was labeled a *«two-speed» economy*. Increasingly, it may be becoming the *Jekyll-and-Hyde nation* - and that's making it tougher for the central bank to set policy»[7a].

Метафоры этого типа предусматривают способность адресата расшифровать сообщение, что упрощается использованием в метафоре знакомого образа. Метафора *Jekyll-and-Hyde nation* также является ономастической антропонимического типа, о данной классификации пойдет речь ниже.

5) Выполняющие моделирующую функцию - формирующие абстрактное значение и расширяющие смысловой аппарат языка;

«Bond traders have a message for the Federal Reserve: Don't even think about raising interest rates this month, and *the window is closing* on July too» [7, 7b].

«This shows that *they're getting more bullish* on demand» [7, 7c].

Данные метафоры образуют новое понятие и являются постоянными участниками экономического дискурса.

Таким образом, можно сделать вывод, в современном мире метафоры в текстах по экономике очень популярны, а функции, которые они выполняют, делают их просто незаменимыми в текстах различных экономических профилей. Метафоры в экономике формируют метатеоретический уровень – уровень формирования и наименования вновь введенных в науку понятий. Экономика – это динамическая структура, которая позволяет и обязывает использовать языковые средства не только для того, чтобы объяснить и распространить знание об экономических процессах и явлениях при их непосредственном

взаимодействии, но и для того, чтобы показать процессы обмена и кругооборота экономической информации, которые и делают саму экономическую систему и отношения в ней динамичными и развивающимися. Метафора помогает избежать закрытости экономической науке, оживляет экономические парадигмы. Таким образом, в текстах экономической направленности метафора осуществляет такие функции, как обеспечение естественного течения процесса коммуникации, сосредоточиваясь при этом на содержании, собственно на самом сообщении.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1981.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
3. Степанова И.Б. Роль метафоры в английском деловом дискурсе // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. Курск, 2015. 7(109). С. 66-69.
4. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 173-203.
5. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2009.
6. Харченко В.К. Функции метафоры. М.: доп. URSS, 2016.
7. <https://www.bloomberg.com/europe> (официальный сайт агентства новостей Блумберг)
- 7а. Heath M., Aussie Economy Keeps RBA in Limbo for Now [электронный ресурс]// Bloomberg, 2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-06-05/jekyll-and-hyde-australian-economy-to-keep-rba-in-limbo-for-now?bpop=87408412> (дата обращения 05.06.2016).
- 7б. McCormick L. Bond Traders Wipe June Fed Hike Off Table on Job Market Stunner [электронный ресурс]//Bloomberg, 2016. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-06-03/bond-traders-wipe-june-fed-hike-off-table-on-job-market-stunner>
- 7с. Dipaola A., Saudi Aramco Raises Most Asia Oil Pricing Amid Robust Demand [электронный ресурс]//Bloomberg, 2016 URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-06-05/saudi-aramco-raises-most-asia-crude-pricing-amid-robust-demand>
8. The Economist. 2016 <http://www.economist.com/> (официальный сайт периодического издания)
9. <http://money.cnn.com/> (официальный сайт бизнес-новостей, входящий в корпорацию CNN) Charles Riley, Chie Kobayashi, Mitsubishi's

fuel test scandal just tripled in size [Электронный ресурс]// CNNMoney (New Delhi),2016. URL: <http://money.cnn.com/2016/05/11/news/companies/mitsubishi-fuel-economy-tests/index.html?iid=EL> (дата обращения 05.06.2016).

10. Justin Wolfers, If the Economy Is Sinking, Policy Makers Are Far From Prepared [Электронный ресурс]// TheNewYorkTimes,2016. URL: <http://www.nytimes.com/2016/06/05/upshot/if-the-economy-is-slowng-policy-makers-are-far-from-prepared.html?ref=economy> (дата обращения 05.06.2016).

*Екатерина Владимировна Склизкова,
кандидат культурологии, доцент,
кафедра лингвистики и МКК
ИСК «РГУ им. А.Н. Косыгина»*

**КОМПАРАТИВНО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЕЛОГО
ЦВЕТА
COMPARATIVE ETYMOLOGICAL ASPECT OF THE WHITE
COLOUR**

***Abstract:** For particular areas of research or application colour has different characteristics, which would influence each other, and be reflected in general semantics. Colour terminology, being taken in different aspects of meaning in different sphere of usage, echos mentality. Colour terms belong to basic Indo-European lexis, but have distinction in different languages.*

The white colour is one of the three main colours of Ancient world. Its semantics is quite stable, mostly positive, and etymology can be observed rather clear.

There are several roots, to which terms for the white colour go back in European languages. In old languages division into white–glimmerig and white–lustreless can be observed, that is lost with the development of languages, sometimes together with lexical unit.

***Keywords:** Indo-European, connotation, semantics, color terms, etymology.*

Цвет – уникальный феномен, находящий отражение практически во всех сферах человеческой деятельности. Его восприятие и использование тесно связано с типом культуры, исторической эпохой и уровнем развития лингвокультуры. Его характеристики в разных сферах использования перекликаются и оказывают влияние друг на друга. Физика цвета отражается на психологии, а затем и семантике цвета.

Цвет – несомненно, семиотическое явление, «...это жизненная необходимость, это такое же средство первой необходимости как вода и огонь» [3, с. 288]. Он способен вмещать и передавать большой объем информации, причем, колористическая терминология напрямую связана с семантикой цвета и его физическими характеристиками. Конкретным оттенкам посвящена масса работ, хотя с постоянными изменениями в лингвокультурной сфере всегда находится аспект для дальнейшего изучения. В связи с этим представляется актуальным проследить отдельные алгоритмы цветопонимания и цветоименования в диахронии.

Цветовой символизм формируется на основе религиозного и философского контекста, хотя изначально он появляется на базе ассоциаций с различными явлениями и предметами. Затем, с формированием и усложнением философского мировоззрения, цвет приобретает более глубокий смысл, порой весьма отдаленно, но все же связанный с первичным.

Три основных цвета, являющиеся базовыми для древнейших культур: черный, белый, красный. Эта триада встречается повсеместно и объясняется, по-видимому, дуализмом в восприятии мира плюс важностью понятия «кровь-солнце-огонь». Три цвета соответствуют стадиям жизни человека и процессу создания глиняного сосуда: белый соответствует детству, красный – инициация, черный – полноценный член общества.

Белый цвет представляет собой своеобразную лингвосемиотическую категорию. С одной стороны, он ахроматичен и вроде бы, как следствие, малоинформативен, психологически нейтрален и очевиден по семантике. С другой стороны, несмотря ни на что, обладает амбивалентной семантикой, дробностью значений и достаточно загадочной этимологией.

Белый, как противоположность черного, это цвет недифференцированности, пустота, воздух, свет, невинность, духовность, святость, трансцендентное совершенство. На Востоке, в Древней Греции и Риме белый используется при трауре. Девушка-невеста, одетая в белое, умирала для своей семьи и рождалась как женщина в семье мужа. Белый означает капитуляцию, перемирие, добрую волю, светоносность, родство с божественным светом, это цвет предвечного безмолвия [1].

В целом, семантика данного цвета и позитивная, и негативная совпадают для Индоевропейских лингвокультур. Это хорошо заметно во фразеологических оборотах, например, *white lie*, *белая зависть*, *anima candida*, *vedere tutto in bianco*; *white as a ghost* - *белый как полотно* - *bianco come un panno lavato*. Термины белого цвета используются в значении: белый, серебряный, светлый, блестящий, бледный, хороший, добрый, пустой и т.д.

Рассмотрим этимологию терминов для белого цвета в некоторых индоевропейских языках. Цветообозначения относятся к базовой индоевропейской лексике, и множество терминов пересекаются, порой

весьма своеобразным образом. Цветовая терминология развивается вместе с языком и культурой. Внимание к какому-либо цвету или оттенку отражает менталитет и степень развития языка. Нельзя говорить об абсолютных алгоритмах развития цветообозначения для всех языков. Особенно выпадают мертвые языки [5]. Однако на данный момент большинство ученых [2] склонно считать наиболее вероятной следующую цепочку развития цветообозначений.

Вначале цвет передается опосредованно, путем указания на цвет неких распространенных предметов или сравнительных конструкций (*цвета молока, bianco come la neve, as white as a sheet* и т.д.). Затем появляются термины, обозначающие больше не цвет, а универсальные категории свето-темноты (добро и зло) и блеск. Согласно исследованиям Б. Берлина и П. Кея [7], языки, имеющие два термина для обозначения цвета, сосредотачиваются на черном и белом (темном и светлом). По-видимому, дуализм в восприятии мира проявился очень рано, такая оппозиция затрагивала все сферы деятельности. Часто к ним добавляется красный (все теплые цвета от желтого до коричневого могут ли быть включены в это понятие), с ограниченной коллокацией. Эта теория также не является абсолютной, и наблюдается достаточно много несоответствий с ней. Цвета интересуют народы, в той степени, в какой они соответствуют их окружению и стилю жизни, а также способностью отражать мировоззрение.

Отсутствие чисто цветовой терминологии для древних языков характерно, что, возможно, во многом дань стилю. В литературных произведениях древнего мира наблюдается множество самых разнообразных конструкций для обозначения цвета, которые, тем не менее, только с натяжкой можно назвать приближенными к терминам, например, *ροδοδάκτυλος* (*розовопальчатый*). Блеск является одной из наиболее популярных категорий, фигурирующих в это время. Причем, обозначение цвета может нести, в большей степени, указание на блеск, а «сверкающий» термин – указание на конкретный цвет.

Так, в древнегреческом языке основным цветообозначением для белого цвета является *λευκός*. Восходит к индоевропейскому корню *leuk* – светить. Однокоренными являются, например, латинское *lūx* и *lūna*, древнеанглийское – *lēoht*, русское – *луч*. Этот термин фактически не имеет ограничений в употреблении, хотя используется чаще в прозе и в большей степени соответствует «высокому стилю». Его основное значение – сияющий, наряду со светлым и прототипичным белым. Также появляется дополнительное значение счастливый (счастливый день – *λευκή ημέρα*). Его конкурентом в использовании является более позднее и разговорное *άσπρος*.

В латинском языке также присутствует термин со значением белый блестящий (*candidus*), в противоположность белому матовому (*albus*).

Первый термин употребляется преимущественно в поэтических текстах и по отношению к блестящим предметам, хотя *albus* используется в сочетаемости со снегом, солнцем и др. «сверкающими» словами, но в более приземленной коннотации. *Albus*, как и *ἀσπρος* восходят к индоевропейскому *albho* – белый. Этимология *candidus* не совсем ясна, хотя возможно оно родственно индоевропейскому *cand/scand/scend* – светить. Однокоренными ему являются итальянское – *accendere*, английские – *candle, incandesce* (раскалять), вероятно, *shine, sky*, русское – *сиять*. Хотя для английского эти слова не являются исконными, а заимствованными или, по крайней мере, не англосаксонскими.

Подобная картина с особым вниманием к светоносности характерна для древних языков. Далее с формированием национальных языков появляются абстрактные термины для основных цветов, причем некоторые термины обозначают несколько цветов, а затем закрепляются за одним или вытесняются новым. Далее появляются термины, образованные от соответствующего предмета: *молочный, niveo, ivory*, выстраивающие цепочку, типа: *как молоко – белый – молочный (like snow – white – snow-white)*.

Итальянский язык, как большинство романских языков, утратил латинские термины и противопоставление блестящего/не блестящего. *Candido* – белый, чистый, *albo* – белый являются латинизмами и используются в стилистически маркированных текстах поэтической сферы. *Candido* также имеет значение «невинный, искренний». Современный термин *bianco* – германское заимствование, относящееся, вероятно, к V-VIII вв. или более позднему периоду. Слово восходит к германскому *blank* – блестящий и индоевропейскому *bhleg, bhl-*. *Bianco* используется с предметами, могущими быть разных цветов и имеющими характеристику более светлого оттенка, например, *uva bianca, frati bianchi*, также в староитальянском для описания светлых объектов, например, кожи и волос женщин. В современном языке слово обладает широкой сочетаемостью и семантикой, косвенно связанной с амбивалентной символикой белого цвета, например, *matrimonio bianco, voce bianca, omicidio bianco*.

В немецком языке присутствует германское слово *blank*, потерявшее значение цвета, но сохранившее значение блеска, и основное цветообозначение *Weiss*, имеющее одно происхождение с английским термином. В английском языке основным цветоименованием интересующего нас цвета является *white*, в древнеанглийском *hwīt* – от семантически близкого индоевропейского *kueid* – свет, блеск (русское слово *свет* имеет это же происхождение).

Белый в русском происходит от древнеиндийского *bhālam* – блеск и, вероятно, индоевропейского *bhleg/ bhl-*, что находит отражение в древневерхненемецком (*blank*) и родственным ему языкам, типа древне

английского – *blanca* – белый и *blāc* – яркий, сверкающий. На последнее слово семантически оказывало влияние древнеанглийское *blæc* – черный, также однокоренное.

В славянских языках фактически не наблюдается разницы ни в основном термине для белого цвета, ни в семантике (*белы* - бел., *білий* - укр., *бял* – болг., *бео* – серб., *biały* – пол., *bílý* – чеш.). Разницу можно объяснить фонетическими процессами, проходящими в конкретном языке, а семантика фокусируется, в основном, на значении «красивый», «хороший».

Как видим, во всех рассмотренных языках основной составляющей значения являлось наличие блеска. На современной стадии развития языков этот аспект утрачивается, порой вместе с самой лексикой. Некоторые параллели терминов можно до сих пор встретить в современных языках, но не в рамках основной цветовой терминологии, например, *λευκός* – *luna* – *light* – *луч*, *candiduos* – *accendere* – *sky* – *сиять*, *blank* – *bianco* - *black* – *белый*. Хотя некоторые из этих примеров являются достаточно спорными.

В современном языке термины используются согласно определенным стилистическим нормам. Несмотря на то, что есть общие механизмы лингвистического развития в целом, для конкретных языков действуют свои правила, основанные, в том числе, на социокультурной составляющей языка.

С развитием языков в них закрепляются различные виды терминов в пропорциях сообразных конкретному языку: абстрактные названия, приближающиеся к абстрактным производные, составные слова, сложные слова с добавлением элементов *бледно-*, *ярко-*, *темно-* и т.д., цвета конкретного объекта, термины, образуемые суффиксацией. Кроме этого, существует довольно большой процент заимствованных терминов, частично или полностью ассимилирующихся; также терминов литературных, связанных исключительно с богатым воображением автора, и используемых в рекламных целях и т.д., например, появляются такие словосочетания, как *монастырский шик*, *зов Арктики*, *царевна-лебедь*, *plumping pearl*, *iseberg white*, *biancheggiante Aurora*.

Современные языки Европы потеряли многие из древних индоевропейских терминов. Некоторые из них поменяли семантику, или были вытеснены заимствованными словами. Тем не менее, языковые связи в области цветонаименования вполне очевидны. Параллели порой находятся в достаточно далеких языках, а в близкородственных существуют разнокоренные слова. Семиотически базовые цвета, к которым относится и белый, сохранили элементы интуитивного символизма в своей семантике, что особенно хорошо заметно во фразеологических или близких к ним оборотах.

Все оттенки, как и их различные аспекты требуют отдельных фундаментальных исследований, а в данной работе мы лишь коснулись некоторых вопросов этой сферы.

Список литературы

1. *Бычков В.В.* Византийская эстетика. М.: Искусство, 1977.
2. *Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.* Цвет и название цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005.
3. Мастера искусств об искусстве. М.: Искусство, 1966. Т. 5, кн. 1.
4. Наименование цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: Ком Книга, 2007.
5. *Норманская Ю.В.* Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках. М.: Институт языкознания РАН, 2005.
6. Роу К. Концепции цвета и цветовой символизм в древнем мире // Психология цвета. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1996. С. 7-46.
7. *Berlin B., Kay P.* Basic color terms, their universality and evolution. Berkeley, L-A., 1969.
8. *Grossmann M.* Colori e lessico. Studi sulla struttura semantica degli aggettivi di colore in catalano, italiano, romeno, latino ed ungherese. Tübingen: Narr, 1988.
9. *Silvestre J.P., Cardeira E., Villalva A.* Colour and colour naming: crosslinguistic approaches. Centro de linguistica da universidade de Lisboa, Universidade Aveiro, 2016.
10. The Concise Oxford dictionary of English Etymology. Oxford: University Press, 2003.

Екатерина Сергеевна Шатухова,
студентка четвертого курса очного отделения,
научный руководитель: к. к, доц. Склизкова Е.В.

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ ДРАМЫ ТЕННЕССИ УИЛЬЯМСА «КОШКА НА РАСКАЛЕННОЙ КРЫШЕ»)

SEMIOTIC NATURE OF METAPHOR («CAT ON A HOT TIN ROOF» BY TENNESSEE WILLIAMS)

Abstract: Metaphor is supposed to be the most interesting and complicated trope. Its semantics is based on the hidden comparison and refers to different sphere of human activity such as myths, history, traditions etc. «Cat on a hot tin roof» is very metaphoric. Mostly the concept coincides with all the rest works of Williams and literature of that period, bus still stays apart. Through the metaphors the author displays his own view and affects the readers.

Keywords: metaphor, play, semantics, semiotics, stage direction.

Одним из самых интересных и сложных литературных приемов, по мнению литературоведов, является метафора. Значение этого литературного тропа в мировой литературе неопределимо. На основе использования метафор поэтами, прозаиками, драматургами создавались произведения, которые пополнили и продолжают пополнять золотой фонд стихотворений, романов, трагедий, драм. Сложность использования метафоры заключается в том, что часто в основе скрытого сравнения, каковым и является метафора, заложен настолько глубокий смысл, который можно понять только при наличии определенных познаний в области литературы, истории, языка, мифологии и т.д.

В настоящий момент специалисты в области лингвистики, языковедения, переводоведения классифицируют метафоры по различным признакам, что им позволяет делать сложная природа метафорического сравнения. При этом существует классификация, которая позволяет выделить определенные группы метафор и считающаяся общепризнанной. Она подразделяет метафоры на скрытые сравнения, обращаясь к мифологии, природным явлениям, историческим событиям, флоре и фауне и т.д.

Что касается литературных произведений, то стоит отметить тот факт, что активное использование метафоры приходится на американскую драматургию I-ой половины XX в., точнее, в литературе США начинает проследиваться бурное возрождение использования этого литературного приема. Именно в этот период в американской драматургии отмечается новый виток развития, который открыл литературе плеяду авторов, произведения которых известны и любимы во всем мире. Одним из таких стало имя Теннесси Уильямса – американского драматурга, пьесы и драмы которого и сейчас ставятся на ведущих сценах мира (и в кинематографе) и пользуются у зрителей невероятным успехом.

Автор уделял особое внимание проблемам среднего класса и жизни среднестатистического американца. Несколько особняком в его творчестве стоит произведение – пьеса «Кошка на раскаленной крыше» [10]. Хотя, концепция произведения укладывается в те каноны, которые свойственны американской драматургии I-ой половины XX века, и его собственному литературному стилю.

Произведение автора является глубоко метафоричным. В пьесе при использовании метафор Уильямса активно использует такие приемы, как заострение внимания читателя, стереотипизация, акцентуация внимания, мифологизация, авторитарность и др., то есть не отступает от классических приемов вариации семиотической природы метафоры. При этом автор привносит в метафорические образы свое видение произведения, что во многом обусловлено стилем его написания и жанровой тематикой, а

именно большое внимание ремаркам и внешним характеристикам героев при помощи метафор, что отражает, как видение автора происходящего, так и создает атмосферу непосредственно для читателя.

В зависимости от характера драм Теннесси Уильямса, их настроения и психологического компонента очень четко можно проследить семиотику метафоры, которая имеет то тонкий, еле уловимый намек на сравнение, то откровенно грубый конкретный характер, который практически не оставляет читателю и зрителю пищи для размышлений.

В семиотическом ряду метафор в «Кошке на раскаленной крыше» встречаются и метафоры, которые вызывают у читателя стойкий ассоциативный ряд, особенно часто они используются Уильямс в ремарках к содержанию произведения.

В самом названии произведения заложена метафора «Кошка на раскаленной крыше» / *Cat on a Hot Tin Roof*. До начала чтения пьесы читателю не понятно, какой смысл скрывается за названием произведения, чему оно посвящено: животным, которые любят гулять по крышам, полуденному зною, которое раскаляет поверхности домов или чему-то еще. В процессе ознакомления с произведением становится понятно, что под кошкой автор подразумевает родственников главного героя – Большого Папы, которые в жаждах наживы ведут себя, как кошки на раскаленных крышах, так же обжигаясь и беспокойно.

Так как пьеса максимально приближена к разговорному языку, то метафоры в ней часто имеют грубый, часто негативный подтекст, отражающий отношение героев друг к другу или к ситуации.

Семиотика метафоры определяет ее сущность, то она выражает тот замысел, который автор произведения пытается донести до читателя или слушателя. Благодаря семиотической природе метафоры, появляется возможность выстроить ассоциативный ряд, который в дальнейшем помогает раскрыть содержание произведения или раскрыть в нем те грани, которые ранее были недоступны.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс. М.: Прогресс, 2015.
2. *Дэвидсон Д.* Что означают метафоры? Теория метафоры. М.: Прогресс, 2012.
3. *Маккормак Э.* Когнитивная теория метафоры. М.: Прогресс, 2014.
4. *Резанова З.И.* Метафора в историко-лингвистическом аспекте // Актуальные проблемы русистики. Томск: Томский университет, 2012. С. 212–216.
5. *Рикер П.* Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. М.: Прогресс, 2012.
6. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность. М.: Прогресс, 2013.

7. Хассан И. Литературная история Соединенных Штатов Америки: в 3-х т. М.: Литература, 2014. Т. 3. С. 549–586.

8. Kristeva Julia. Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art. New York: Columbia University Press, 2010.

9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 2010.

10. Williams Tennessee. Cat on a Hot Tin Roof. N.Y. New Directions Publishing Corporation, 2004.

Яна Владимировна Федотова,
студентка первого курса очного отделения,
научный руководитель: к.к., доц. Склизкова Е.В.

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ (НА ПРИМЕРЕ ХИНГЛИША) LANGUAGE VARIETY (HINGLISH)

Abstract: *A language is constantly changing substance with a tendency to simplification. Thereby new varieties of languages appear e.g. Hinglish. It is a mixture of Hindi and English. It has a lot of differences in comparison to British English. It touches all the spheres: lexis, grammar both in syntax and morphology level, phonetics. But it serves as main means of intercultural communication in India.*

Keywords: *changes, grammar, lexis, morphology, phonetics, phrase, variety.*

Язык – постоянно меняющаяся субстанция с тенденцией к упрощению. Так появляются новые вариации языков, в том числе английского языка, например, Хинглиш.

В процессе исторического развития английский, вслед за многими другими языками, стал мировым языком. Общение с развитием технологий стало проще, и людей, которым необходим английский - все больше.

Язык всегда подстраивается под социокультурные изменения. Некоторые разделы английского языка оказались неудобными для употребления. Вследствие этого английский язык претерпел некоторые упрощения. Все чаще можно встретить статьи на «Simple English» («Простой английский»), в которых используются только базовые лексико-грамматические конструкции.

Хинглиш («Hindi»+ «English») – это индийский Simple English, являющийся смесью базового английского и одного из языков Индии.

В Индии функционирует гигантское количество языков и диалектов. Но двумя наиболее востребованными признаются хинди и английский

язык. Появление хинглиша главным образом связано с колонизацией Индии Англией. Хинглиш можно расценивать как новый этап развития английского языка в результате его заимствования при взаимовлиянии различных культур.

В XVII веке начинается история английского языка в Индии. Королева Елизавета I издала указ о монополии на торговлю с Индией. Так была создана Ост-индская компания, которая положила начало распространению английского языка на Индостане.

Брадж Карчу выделяет три этапа распространения и утверждения английского языка в Индии. Первый этап – христианско-миссионерский начался около 1614г, проходил среди местной элиты, считавшей английский язык окном знания Запада для индийцев. Такая элита убеждала чиновников Ост-индской компании управлять рабочей силой не, как было принято, на арабском, а на английском языке. Так первый этап перешел во второй этап распространения английского языка в Индии.

Начало третьего этапа привязывается к 1765 г., когда центральное Ост-индская компания укрепила свои позиции. Это этап правительственной политики. Правительство выстроило алгоритм распространения английского языка на полуострове. При правлении генерал-губернатора Уильяма Бентинка (генерала – губернатора Индии в 1828-1835 годах) английский язык стал языком управления и судопроизводства высших инстанций. Губернатор вынес постановление о применении английского языка также в образовании. В 1857 году в Индии открылись первые университеты (в Бомбее, Калькутте и Мадрасе). Таким образом, английский язык захватывает позиции языка местной элиты, язык управления, язык индийской прессы.

По окончании эпохи британского правления (1947г.) возникает вопрос о статусе английского языка в новой индийской государственности и в обществе. Индийские националисты считали, что государственным языком должен стать один из местных языков. На такую роль, по их мнению, подходил хинди, так как его носителей в Индии насчитывается от 30 до 70% населения.

Согласно конституции, в Индии насчитывается 18 государственных языков. Хинди и английский - официальные языки индийского союза, а английский язык не входит в их число, но определяется временным официальным языком.

Хинглиш, как вариант английского языка, характеризуется наличием особенностей, которые являются результатом языкового контакта, взаимного воздействия языков друг на друга и их интерференции. В обществах Индии английский язык – это язык-посредник для выражения пользователями языка. Такие особенности разделяют на две группы: девиации и инновации. Они проявляются в отклонениях от стандартного

английского языка, но не являются ошибками, так как доступны всем пользователям языка.

Английский язык, согласно Манфреду Герлаху (председатель Государственного совета Германии), насчитывает семь основных категорий девиаций и инноваций: заимствования, новообразования, гибриды (сложные и производные), грамматические отклонения, изменения сочетаемости слов, переосмысление значения, стилевой сдвиг. Такие особенности полностью присущи хинглишу.

Лабру обобщил данные вариантности хинглиша следующим образом: хинглиш - это тип английского языка, который характеризуется устойчивым грамматическим ядром с наличием незначительных девиаций, обладающим смешанным лексическим составом. В нем нет диалектов, отсутствует размежевание между формальной и разговорной речью.

Причины, вызвавшие подобное развитие английского языка, Лабру находит в особенности индийской окружающей среды и в социодинамике политико-культурных изменений в Индии, а также в языковой интерференции в фонологической и грамматической системе языка.

К особенностям хинглиша относятся:

1. Нетрадиционное использование окончаний –ing. *You should doing your homework.*

2. Добавление окончания –ji к именам, что означает глубокое уважение и почтительность: *Jackji, Peterji*

3. Избыточное использование инфинитива. *Yesterday I call write him.*

4. Произношение – главнейший фактор хинглиша. Фонетика становится главным фактором проблем в понимании.

5. Несоблюдение грамматических норм. *They will come tomorrow?*

6. Нетипичное ударение. *Okay* вместо *oKaY*

7. Законченность предложение уточняющим вопросом: «No?» («не так ли»). *You really glad meeting me, no?*

Когда же индийцы пытаются выстроить диалог с британцем или американцем, они используют хинглиш, но возникают недопонимания и разногласия, потому что многие фразы, используемые англичанами, имеют совершенное иное значение в Индии, а некоторые аутентичны для нее.

Особенности хинглиш выражаются на разных уровнях: это могут быть заново созданные слова, похожие на английские или являющиеся наполовину английскими. В этом языке наблюдаются хаотичные способы смешения. Не существует точных границ или правил, а потому хинглиш постоянно меняется, становясь все более насыщенным языком. Также можно отметить весьма своеобразную фонетику. Претерпев фонетические, морфологические и семантические изменения, английские слова приобрели в хинглише свои особенности употребления.

К смешению двух языков приводит СМИ, растущая популярность голливудских фильмов, внедрение индийских специалистов в область IT-

технологий. Магазины и лавки Индии пестрят своими яркими названиями на английский манер.

Интересный факт, что хинглиш используется не только в Индии, но и в Великобритании и США. Причиной этому послужила распространенность болливудского кино и эмиграции.

Отношение населения к хинглишу положительное, однако, это не исключает дискуссий по поводу его роли и статуса в жизни индийского сообщества.

Таким образом, хинглиш имеет продолжительную историю развития и является типичным примером распространения английского языка в процессе глобализации. Он широко используется в различных сферах деятельности в обществе, являясь языком парламента, судопроизводства, науки бизнеса, образования, СМИ, межэтнического общения. Базируясь на фонетическом уровне местных языков, английский язык оказывается под их влиянием, отражая новые формы применения, а для большинства индийцев, не владеющих английским языком в полной мере, хинглиш реализуется связующим «мостом» с внешним миром. В любом случае, это пример лингвокультурной адаптации.

Список литературы

1. *Нагиба И.В.* Индийский английский: история, статус, особенности // Известия восточного института. 2008. С. 151-158.
2. *Trudgill P., Hannah J.* International English. A guide to the varieties of Standard English. L., 2002.

2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

*Елена Сергеевна Пак,
кандидат культурологии, доцент
кафедры лингвистики и МКК
ИСК «РГУ им. А.Н. Косыгина»*

МОТИВЫ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ИСПАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ CONTRASTIVE IMAGES OF SPANISH AND RUSSIAN CULTURES IN FICTION

***Abstract:** The article analyses the contrastive images of Russian and Spanish cultures in the field of popular fiction texts (lyrics, poems, detective stories) considered as results of cultural differences and basic stereotyped vision.*

***Keywords:** contrastive images, culture, fiction, intercultural communication, literature, Russian, Spanish, stereotypes.*

В глобальной концепции этногенеза, разработанной русским философом Л.Н. Гумилевым особенная роль в формировании этноса отводится природной среде и в частности ландшафту. По словам исследователя, «то или иное проявление этноса - это результат формообразующей деятельности ландшафта» [3, с.23].

Природная среда играет немаловажную роль в формировании восприятия одного народа другим, в формировании стереотипного образа «другого». Сравнение своего с чужим проводится по различным параметрам, составляющим этнос, таким как государственность, язык, вера, внешность, культура и традиции.

На наш взгляд, яркой иллюстрацией вышесказанного выступают образы русской и испанской культур в менталитете их представителей. Климат, рельеф и природно-климатические зоны, в которых проживают данные этносы, а также внешность и национальный характер людей, а именно их контрастность, породили и продолжают порождать многочисленные стереотипы и ассоциации, воплотившиеся в художественной литературе.

Поскольку включенность испанского элемента в русское сознание и культуру гораздо очевиднее и разнообразнее, рассмотрим данные контрасты в пространстве русскоязычной художественной литературы, в особенности поэзии.

Вплоть до XX в. культура Испании в сознании русских была противопоставлена европейской, Испания отделялась от Европы: «Испания! Какое это убежище для людей, скучающих Европою!», «испанцам только и дела, что петь, танцевать и играть на гитаре, нисколько не заботясь о том, что в других странах называется жизнью», - писал в своих «Письмах об Испании» В.П. Боткин [1, с.380].

Духовное родство двух народов находили в противовес остальной Европе в таких качествах, как бедность, набожность, гостеприимство, щедрость, аскетизм и, что удивительно, даже в природе: «Чудная и унылая природа! Селения редки, и вы представить не можете, что за угрюмый вид этих селений» [1, с.380]. Это описание неожиданно перекликается с известным стихотворением Ф.И. Тютчева «Эти бедные селенья».

Сегодня, конечно, уже не встретишь такого описания Испании - страны с развитой экономикой: Испания в русском менталитете сегодня отождествляется с Европой, которой по традиции противопоставлена русская цивилизация.

В русском образе Испании и испанцев существуют следующие оппозиции, основанные на противопоставлении ландшафтно-климатических условий, внешних различий и национальных темпераментов: жаркое-холодное, светлый – смуглый, русый – темноволосый; горный - равнинный; солнечный – суровый, мрачный; веселый, беззаботный - грустный, задумчивый; темпераментный, шумный – спокойный, тихий; бунтарский – смиренный; страстный, пылкий – меланхоличный и другие.

На фоне русского холодного неба, снега, дождя, городской суеты и обыденности в памяти воскресают дивные рощи, оливы, солнце, танец и песня.

Обратимся к творчеству известного советского поэта-песенника Николая Добронравова [5]:

Где ты, звезда над заливом,
Парус под ветром счастливым,
Солнцем рожденная вера,
Клятва влюбленных: «Те кьеро»?..
Ах, эти дивные рощи,
В центре соборная площадь.
К морю сбегают оливы –
Все здесь казалось счастливым.
Наше холодное небо,
Всполохи русского снега.
В памяти снова воскреснет
Солнце, и танец, и песня.
Верю приметам счастливым,

Верю испанским мотивам,
Жизнь укрощу, как тореро –
Слышишь, ты слышишь – те кьеро!..
(«Испанский мотив»)

Авторами, пишущими на испанскую тему, часто используются такие антиномии, как: холод-жара; солнце-снег, дождь; экзотика и обыденность; отдых, счастливая жизнь, полная фиесты и тяжелый труд, рутина, тоска. Нельзя не признать, что такие контрасты особенно удобны в создании метафор и украшают творчество целого ряда авторов, с большой охотой используются в поэзии.

Другой пример метафорического контраста найдем в песне современного исполнителя Марка Тишмана «Испанская любовь», где сами влюбленные - представители разных национальных миров [6]:

За твоим окном испанским - лето
За моим окном - московский дождь
Я теперь узнал, как больно это
За любовью - обнаружить ложь
Те amo, te quiero...
Осенний город - слишком серый
Далек от южных берегов
Те quiero, te amo...
Усталый дождь - минорной гаммой
Пел про испанскую любовь.

Противопоставления продолжают в сравнениях глаз испанки с костром и пеплом, и северное сердце, которое обжигается в этом костре, становится олицетворением русского влюбленного. Очевидна образность, построенная на природных контрастах.

Испанская природа и традиции иногда воспринимаются как заманчивая экзотика, но чуждая русской тонкой красоте, русскому духу с его глубиной, внутренней строгостью. Испанская беззаботность и восприятие жизни как вечной фиесты противопоставляется естественной меланхоличности и русскому предчувствию глубокого трагизма жизни.

Подобные мотивы с оттенком неприятия испанского звучат, например, в лирике современного поэта В. Мезенцева, жившего в Испании. Его стихотворный цикл «Испанская тетрадь» пронизан ностальгией, тоской по друзьям, близким, по вечной русской грусти и тишине, «теплу» и «общенью задушевному», незаменимым «волнами моря Средиземного» [4, с.14].

Русская тоска, меланхолия, тишина противопоставлены в поэзии Мезенцева испанскому веселью, шуму, толпе, вечному празднику:

Загремела музыка в ночи,
затрубили в трубы трубачи,
И фиеста, юбками шурша,
Задышала, закачалась – и пошла.
Я – в толпе. Толпа – водоворот.
Фейерверк взлетающий ревет.
Разрывая душу и дробя, -
вот теперь, держись, Душа моя!
Как бы мне хотелось тишины,
Шелеста березовой листвы,
Плеска утренней речной волны,
Запаха соломенной копны,
Как бы мне хотелось зачерпнуть
И испить ту трепетную грусть,
Что стоит у русского плетня
И с укором смотрит на меня».

Антиномия свой-чужой выражается здесь в противопоставлении типов ментальностей и природных образах родины и чужбины. Как видно, испанская тема контрастирует с русской то с положительным, то с отрицательным оттенком последней.

Романтический, идеализированный и обобщенный образ Андалусии-Испании как страны, полной тайн и экзотики, территории любви, безумных страстей и дикости, ассоциации со средневековой культурой - рыцарями, серенадами, прекрасными дамами, культом чести и благородства отражены в произведениях современной массовой культуры. Современные поэты продолжают традиции гениев XVIII-XIX вв., инстинктивно чувствуя лирику и яркость, свойственную испанской символике, и используют её в придании большей энергии и романтизма своим произведениям.

Достаточно услышать название современных популярных песен: «Пять испанских роз», «Пять испанских гитар», «Испанский танец», «Испанский мотив», «Гореро» и т.д., текст которых насыщен такими типичными клише: ночь, андалузские глаза, аромат, гитары, фиеста, страсть и т.п.

Особенное звучание приобретают данные стереотипы в жанре детективных и любовных романов, где Испания выступает землей обетованной, убежищем главных героев от погони (Топильская Е.В. «Испанская ночь»), используется для придания загадочности, остроты и напряжения (Солнцева Н.А. «Испанские шахматы», Алексеенкова Т. «Испанский вариант»). Прослеживается очарование, замороженность и желание приблизиться к картине мира испанцев, усматривается общность ключевых концептов, свойственных национальным темпераментам:

горячность, темпераментность у испанцев - удаль, простор у русских; авантюризм - нарушение правил, бунт; загадочная таинственная и манящая Испания - таинственная русская душа; свободолюбие, отсутствие рамок, дикость – воля, безудержность в проявлении чувств.

Для поэзии характерно также задействие таких символов, как «тореро», «тореадор», «коррида» в метафорических сравнениях (например, сравнение жизни с быком, которую укрощает тореро: Н.Добронравов «Испанский мотив»). Произведения нашего современника З. Вальшонка пронизаны «испанскими» образами. Интересно его сравнение бега быков с бегом времени, скоротечности жизни, в которой в спешке совершается много бессмысленного и суетного, восприятие корриды как олицетворения отношений между людьми, мужчиной и женщиной (З.Вальшонк «Любовная коррида», «Бег быков в Памплоне»), а также жестокости мира в целом.

Чувствуется боль за судьбы народов независимо от национального, сожаление об утрате важных ценностей, ушедших идеалах, подмену их на нечто ложное и иллюзорное, происходящее во всем мире: «Может, в мире сменились ценности? Но сильнее день ото дня полноценность неполноценностью настораживает меня. Это чванство плебейско-хамское, и российское, и испанское, как всемирный лихой недуг, заражает заблудший дух» («Комплекс неполноценности»), «Только бы от танца не осатанеть. Страстные испанцы, треск кастаньет. Может это хота, и фламенко с нею? Где ж вы, Дон Кихоты, где ж вы Дульсинеи?» («В ритме хоты и фламенко»). Прецедентные имена известных литературных героев выступают объединяющими звеньями, отсылая читателя к универсальным ценностям.

Осмысление исторических событий прошлого Испании и России мы находим в сборнике стихотворений «Улица Гойи. Испанская мистерия: стихи, поэмы, мемуары» Зиновия Вальшонка (род. 1934), творчество которого относят к современной русской поэзии XXI века.

Поэт предлагает необычную интерпретацию наиболее распространенных испанских стереотипов и клише. Образы Испании, которую автор называет краем «любви и катастроф» [3, с.82], для него – не просто «экзотика неведомой страны», а его стихи об Испании - «не вздох сентиментальный», а «повод ... поведать сквозь черты столетий о таинствах сегодняшнего дня» [3, с.50].

«Черная легенда» об Испании, связанная с колониальным прошлым и средневековой инквизицией, как и вечные символы Испании - коррида, танцы, образы великих художников, писателей и героев их произведений, - выступают своеобразными метафорами для выражения актуальных проблем, осмысляются через похожие события в прошлом родной страны поэта, тех последствий, которые эти события породили для современности:

Под мадридским вешим небосклоном
Чую ностальгическую грусть.
Сквозь витраж в соборе Барселоны
Мне видна трагическая Русь.
Там - в Ламанче нашенской росистой
Ложь разили острием пера рыцари поэзии российской,
Дон Кихоты чести и добра!

В стихотворениях, в которых затрагивается тема инквизиции и инквизиторов, сжигавших еретиков и ведьм, непокорных мыслям и идеям века, З. Вальшонок проводит параллели с разными историческими эпохами Руси и России, когда были убиты за инакомыслие, принадлежность к иной вере, просто по наветам завистников репрессированы многие невинные и талантливые люди: «На Руси заплечных дел отличники тоже показали нрав свой лютый. Дыбою прославились опричники под крутым водительством Малюты ... О, вкусили мы в стране-безбожнице зла иезуитского похлеще: рвали нас редакторские ножницы, убивали цензорские клещи. И предтечи наши искрометные от Лубянки столько бед хлебнули! Их эпоха письмами подметными доводила до петли и пули». («Инквизиция»). Автор обращается к настоящему и будущему России и всего мира, зная, что «инквизиция, как чумная мафия бессмертна» [3, с.91] и как бы предостерегая: «Мне грудь язвит одна забота, одна навязчивая страсть: чтоб на Руси опять охота на мнимых ведьм не началась» [3, с.99].

Боль за судьбы многих испанских великих деятелей всех времен (Федерико Гарсии Лорки, Мигеля де Сервантеса, Франсиско Гойи) созвучна боли за «пророков» в своем отечестве. Так, обращаясь к убийцам Лорки, автор обращается ко всем палачам, карающим свободомыслие и талант: «Не искрометностью метафор жег Лорка ваш холуйский слух, а тем, как гулко в нем метался Испании свободный дух» («Убийцам Гарсиа Лорки»). В данном случае прецедентные имена испанских известных людей выступают символами универсальных для всех ценностей - свободы, справедливости, таланту, чести и честности, противостоят косности и черствости.

В творчестве русских и советских поэтов и писателей XX-XXI - идеалы гуманизма, стремление найти родственные души, людей с возвышенными душами - , а также присутствие таких людей в Испании и в России, выступают в качестве объединяющих звеньев, мотивами единства и общности культур двух народов. Любопытно, что мотивы противопоставления отражают природно-культурное своеобразие, характерные национальные черты, не свойственные своим, но присущие чужим.

Появление испанских героев, испанских символов в художественной литературе является показателем определенных черт русского народа -

стремления к красоте, тайне, добру, любознательности, желания быть оригинальными, одновременной демонстрации свободолюбия и независимости, с одной стороны, и – патриотизма и приверженности своим ценностям, с другой. Испанские символы с легкостью воспринимаются воображением россиян и достигают необходимого эстетического воздействия, способствуют донесению этико-нравственного послания авторов, вызывая ряд образов и ассоциаций, а очевидная контрастность всего русского и испанского усиливает эти эффекты.

Список литературы

1. *Боткин В.П.* (1811/12-1869). Письма об Испании. Санкт-Петербург: тип. Э. Праца, 1857. Т. IV.
2. *Вальмонок З.М.* Улица Гойи. Испанская мистерия: стихи, поэмы, мемуары. М.: Геопресс, 2008.
3. *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ-Астрель, 2006.
4. *Мезенцев В.* Испанская тетрадь = *Libreta española*: Изд. 5-е. М.: Лит. Агентство «Московский Парнас», 2007.
5. <http://pakhmutova.ru/songs/dobronra.shtml>
6. <http://morepesen.ru>

Наталья Сергеевна Фуражева,
кандидат культурологии, доцент
кафедры лингвистики и МКК
ИСК «РГУ им. А.Н. Косыгина»

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЙ «ТРАДИЦИЯ» И «КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ» CULTURE OF COMUNICATION AS PHENOMENON IN THE CONTEXT OF NOTIONS «TRADITION» AND «CULTURAL MEMORY»

Abstract: The sphere of communication is the most important aspect of culture. The notion “communication” has been formed very gradually. Under the culture of communication some range of traditions, models of behaviour, style of speech are understood. Cultural memory and traditions are essential components of human existence. They are assigned to select, structuralize, and keep facts which help to identify past conditions of culture, accumulate national identity in present, and transfer it to future.

Keywords: communication, identity, memory, spiritual culture, traditions.

Сфера общения – наиболее важная область культуры, ведь именно в ней отражены и сфокусированы основные характеристики человеческого бытия. Более того, без общения невозможно себе представить возникновение и развитие самой культуры.

Понятие «общение» в истории человечества формировалось постепенно. Философское осмысление этого вопроса берет свое начало в период расцвета цивилизаций Древнего Египта и Древней Индии, но в особенности проблемой общения заинтересовались философия и этика античного мира. Сократом и Платоном философия рассматривалась как взаимный разговор, равноправный диалог в интересах познания истины. Сам термин «общение» впервые был введен Аристотелем. Общение понималось им как основа для возникновения искусства, культуры и языка [1].

Христианская мысль, пришедшая на смену античным философским воззрениям, начинает воспринимать человеческое общение как средство, обеспечивающее возможность обращения к Богу. Ренессансное мировоззрение вносит свои черты в это понятие. Общение представлено здесь галантными изысканными беседами, которые соседствуют с простонародными шутками, а в высших общественных кругах в это время возобновляется интерес к традиции диалогов времен античности [11]. Однако на философском уровне еще не был осуществлен переход к концепции межличностного общения.

Эпоха Просвещения производит переворот в общественном сознании. Человеческие взаимоотношения рассматриваются совершенно под иным углом зрения. В философии и науке на смену онтологии и гносеологии приходят антропология и педагогика. Общение уже мыслится как необходимый способ взаимодействия человека с ему подобными, а не с Богом или природой. Осмысление идеи межсубъектных взаимоотношений осуществляется в рамках немецкой классической философии. Происходит формирование нового категориального аппарата [3]. В XVIII столетии всеобщим негласным правилом ведения беседы становится необходимость быть внимательным к своему собеседнику, и в ходе разговора как можно глубже проникнуться особенностями его психологии [11, p.17].

Немного позднее философия марксизма начинает рассматривать общение как сверхприродную потребность, возникающую в процессе совместной трудовой деятельности людей. В понимании данного направления общение связывается со всеми формами человеческой деятельности [7].

В условиях современной общественной жизни все чаще и чаще заходит речь об обществе массового потребления и процессах глобализации. Глобализация обладает множеством различных аспектов, однако все они являются лишь частью огромного комплекса, именуемого

мультикультурной, или, чаще всего, межкультурной глобализацией [10]. Этот этап развития культуры подразумевает процессы межкультурной коммуникации или общения (общения на мега-уровне).

Несмотря на многочисленные интерпретации общения на разных этапах человеческой цивилизации, одна главная характеристика оставалась всегда неизменной: понятие «общение» невозможно рассматривать в отрыве от понятия «культура». Культура, в свою очередь, понималась и понимается многими учеными и исследователями прошлого и настоящего как механизм самосознания, осмысливания своей уникальности, автономности, и в то же время, своей неотделимости от других; это своего рода определение ментальности, открытая динамичная система, для которой характерна креативная активность.

Пожалуй, одним из важнейших компонентов культуры всегда являлась культура общения. Последнюю можно рассматривать на совершенно различных уровнях межсубъектного взаимодействия, начиная от быта и повседневности простых земледельцев, и заканчивая тонкостями великосветского этикета.

На протяжении многих веков необходимыми двигателями развития человечества неизменно являлись созидание и творчество, которые, в свою очередь, всегда предполагали появление нового. При этом общение становилось одним из важнейших факторов, способствующих «вживанию» последнего в старые структуры. З. Фрейд писал: «Люди с большой наивностью переживают свое настоящее и неспособны оценить его содержание; им сначала надо отойти на какое-то расстояние – иными словами, настоящее должно сделаться прошлым, если хочешь вывести из него отправные точки для будущего» [9, с. 861]. Сказанное вполне можно отнести и к культуре общения, которая, если и строится на некоем отступлении от прошлого, неизменно несет в себе четкие отсылки из него в будущее, включая в себя механизмы, воспроизводящие заново культуру минувшего. Такая зависимость связана с тем, что по своей сущности культура не может не содержать в себе памяти об ушедшем. Здесь ее корни, ее родовые черты, ее традиции.

Выражаясь словами Ю. М. Лотмана: «иногда «прошедшее» культуры для ее будущего состояния имеет большее значение, чем ее «настоящее» [6, с.615]. При этом, говоря о «прошедшем», невозможно не упомянуть о двух важнейших понятиях, напрямую связанных с культурой общения. Эти понятия – культурная память и культурная традиция.

Любая культура, и, прежде всего, культура общения не мыслима без традиции, без ее главной особенности затушевывать разрыв, ведущий к возникновению прошлого, без ее способности выдвигать на передний план аспект непрерывности, продолжения и преемственности [2, с.35]. Являясь «каноническим вместилищем увековечивающего воспоминания», традиция на всем протяжении истории человечества неизменно

стремилась к закреплению и сохранению любыми средствами отпечатка неуверенно удаляющегося прошлого [2, с. 68].

Сохранение и воссоздание наиболее значимых духовных ценностей прошлого необходимо для поддержания высокого уровня культуры современного общества. «Беречь и хранить необходимо максимально возможное количество позитивных и негативных ценностей во имя воссоздания достаточно полной, объективной и противоречивой картины эволюции человеческой культуры, выводя вместе с тем на уровень общественного сознания в первую очередь ценности, способствующие ее действительному обогащению» [5, с. 10].

Такие важные аспекты культуры как история взаимоотношений людей на внешнем и глубинном духовном уровне, обладающие несомненными символическими характеристиками, развиваются по законам, напоминающим законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение с тем, чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе [6, с. 615].

Культурная память, существующая как на индивидуальном, так и на групповом и общественном уровне, поддерживается и передается исключительно благодаря процессам коммуникации и общения. «Память живет и сохраняется в коммуникации. Если последняя прекращается, или, если исчезают, либо изменяются референциальные рамки коммуникативной реальности, следует забвение» [2, с. 37-38]. Любая память, и, в особенности, память культурная – уникальный механизм хранения и передачи информации, однако, подобно любой живой материи, она не может постоянно находиться в состоянии неподвижности. «... Память культуры не следует представлять себе как некоторый склад, в который сложены сообщения, неизменные в своей сущности и всегда равнозначные сами себе. В этом отношении выражение «хранить информацию» может своим метафоризмом вводить в заблуждение. Память не склад информации, а механизм ее регенерирования» [6, с. 617-618].

Часто культурная память определенного сообщества бывает связана с понятием культурного пространства, которое, будучи насыщенным определенными символами, является одним из опорных пунктов воспоминания. Таким образом, сообщество людей и близкое им по духу пространство вместе образуют определенное символическое единство, которое сохраняется даже в случае разлуки со своим пространством.

Если говорить о русской национальной традиции, то она, будучи основана на прочном фундаменте культурной памяти народа, всегда представляла собой набор устойчивых архетипов поведения и представлений о жизни, проверенных и подтвержденных предыдущими поколениями предков. Одним из важных компонентов этого набора

представлений был поиск своего места в бытии, укорененности в пространстве. «Мы исходим из тезиса, что устойчивый способ культурного бытия в России – не кочевье, а дом, место, приют, не-пустота. Архетип дома – один из самых значимых архетипов в русской культуре, что очень ярко воплощено в символических культурных пространствах.<...> Значимость места как условия субъективации проговаривается в самом языке: «уместный» «совместный», «поместье». <...> Итак, можно предположить, что в русской культуре субъективность <...> задана местом в бытии» [8, с. 231-232].

Обжитое пространство становилось местом, где присутствует и развивается человеческая индивидуальность, но, вместе с тем, русская традиция изначально не предполагала понятий эгоизма, высокомерия и брезгливости. Вместо этого специфика русской культуры прослеживалась в особой модели социального единства. «Если прообразом социального пространства западной культуры является площадь, агора, то идея единства, возникшая в контексте русской культуры, реализовывала себя через принцип соборности. <...> Собор, в противовес площади, реализует архетип дома, места. Но это место, имеющее сакральный характер. Это место, где присутствует Бог и одновременно – это место, где мы собираемся (во множественной семантике этого русского слова)» [8, с. 231-232].

Понятие соборности стало одним из самых знаковых в русской религиозной культуре; в рамках традиции оно поддерживалось на протяжении многих веков в различных слоях российского общества. Русская ментальность всегда предполагала единение как опыт собирания всех раздробленных частей бытия в едином пространстве дома [8, с. 232]. Именно в этом традиционном жизненном пространстве осуществлялось общение на истинно глубинном уровне.

Даже не смотря на то, что в России с началом петровских преобразований в моду постепенно вводился западноевропейский образ жизни, традиционный жизненный уклад и традиционные нормы общественного и бытового поведения, основанные на прочном фундаменте патриархальных нравов довольно часто, особенно в провинции, теснили культурные влияния Запада. Здесь неизменными оставались такие нравственные понятия, выработанные прежними веками, как почитание Бога, уважение и почтение к возрасту, родовитости, социальному положению. Например, во многих частных письмах конца XVIII – начала XIX столетия обычными обращениями детей к родителям считались: «Милостивый Государь Батюшка», «Милостивая Государыня Матушка». Такое обращение как «Милостивый Государь», относилось ко всем, кто превышал достоинством пишущего. Заканчивалось письмо обычно изъявлением почтительности, например: «я есть с глубочайшим почитанием, или с искренним почитанием», потом повторялся титул

адресата, указанный в начале письма, с прибавлением формул вежливости: «ваш покорнейший и послушнейший слуга» [4, с.2].

Часто именно письма, воспоминания и дневники становятся своеобразными посланниками из прошлого, которые дают представление о характере взаимоотношений, культуре поведения и общения людей ушедших эпох.

Культура общения, являясь частью культуры духовной, порой представляет значительные трудности для исследования. Являясь сложным символическим текстом, она наследуется исключительно посредством системы преемственности многих поколений людей.

История культуры всего человечества насквозь пронизана коллективной памятью, она подчинена законам изменчивости, но одновременно обладает способностью противостоять времени и его движению. Процессы общения и коммуникации играют здесь значительную роль стабилизатора культурного состояния, и в то же время способствуют динамике культуры, ее постоянному обновлению. «Пространственные и временные представления коллективной памяти стоят в жизненной связи с формами коммуникации <...>, и эта связь несет эмоциональную и ценностную нагрузку» [2, с.41].

Культурная память и традиция – необходимые компоненты истории культуры, призванные особым образом отбирать, структурировать и хранить факты, без которых невозможно воссоздание прошлых состояний культуры в ее настоящем. С этой точки зрения, одним из самых ценных объектов исследования в области культуры прошлого является исследование культуры общения, содержащей в себе огромный комплекс информации об особенностях изучаемой эпохи.

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Соч. в 4 т., Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. *Кант И.* Критика практического разума. Сочинения. В. 6 т., Т. 4. М.: Мысль, 1965.
4. Краткие правила, способствующие к научению сочинять разного рода письма, с приобщением примеров из славнейших писателей. Перевод с французского. М.: Б. И., 1788.
5. *Кучмаева И. К.* Культура общения: этикет и стиль. Программа спец. курса. М.: ГАСК, 2002.
6. *Лотман Ю. М.* Память культуры // Семиосфера. Спб.: Искусство, 2001. С.335-388.

7. *Маркс К.* Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2-е изд., Т. 3. М.: Политиздат, 1955. 629 с.

8. *Наливайко И. М.* Повседневность и проблема культурной самоидентификации (Границы культуры и культуры границ.) // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество. М.: Академический проект; РИК, 2005. С. 224-234.

9. *Фрейд З.* Я и Оно: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во Фолио, 1999.

10. *Demorgon Jacques* L'histoire interculturelles des sociétés. 2e edition revue et augmenté d'une postface: une information du monde. Ouvrage publié avec le concours de l'office franco-allemand pour la Jeunesse. Paris.: Antropos, 2002.

11. *La Conversation: Un art de l'instant / Dirigé par Gérard Cahen.* Paris: Autrement, 1999.

*Евгения Викторовна Мutowкина,
преподаватель кафедры лингвистики и МКК
Институт славянской культуры
ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина»*

**ИСТОРИСОФСКИЙ ХАРАКТЕР ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ XI-XII ВЕКОВ
HISTORIOSOPHICAL NATURE OF OLD RUSSIAN LITERATURE
OF XI-XII CENTURIES**

***Abstract:** The Old Russian literature is of very historiosophical character. It reveals spiritual atmosphere of culture, manifests itself all through the whole literature and cultural heritage. As an element of traditional sphere of existance it keeps and transfers national essence.*

***Keywords:** existence, heritage, histiriosophy, moral, polemic, source study.*

Целью статьи является рассмотрение историсофского характера древнерусской литературы XI-XII веков в рамках отечественной культуры, имеющего непреходящее значение. Понять высокую духовность, любовь к Отечеству, христианский универсализм, а также выявить типологические черты древнерусской философии истории являются поставленными задачами. Мыслительные конструкции воплощаются в разнообразии творений культуры, и их объективный всесторонний анализ требует привлечения не только вербальных, но и не вербальных памятников. От традиционной методологии дифференцированного рассмотрения

современная наука переходит к интеграции источников и комплексному источниковедению. Именно на этом направлении может быть осуществлен качественный прорыв в историко-философском культурологическом анализе. Тяготение к живому, яркому слову, пламенная публицистичность, особый интерес к нравственной, антропологической, исторической тематике - эти черты можно рассматривать как определенные достоинства, ибо они поднимали философскую значимость культуры в целом и были обращены к самым животрепещущим вопросам исторического бытия.

Острые проблемы развития современной культуры обусловлены ее кризисным состоянием. Для сегодняшней ситуации характерно стремление к изучению историко-культурных истоков России. Необходимо, чтобы культура XI-XIII веков стала предметом изучения именно культуролога, а не только историков, литераторов, философов. Изучая культуру в целом и древнерусскую литературу в особенности, мы начинаем осмысливать себя, как великий этнос, имеющий древние корни, и поэтому предлагаемая тема важна для формирования патриотизма у народов, духовного воспитания человека и гуманизации отношений между людьми.

Проследив развитие русской философской мысли в XI-XII веков, мы видим процесс ее постепенного становления и выработки устойчивых традиций. Отечественная философия уже в Средние века отличалась разнообразием и охватом всех сторон бытия. В ней можно выделить философию истории, прослеживаемую в летописании, «Слово о законе и благодати» Илариона [2] и других источниках. В переводных и оригинальных произведениях письменности, сохранившихся с незапамятных времен, проступают представления о мире и человеке, разнообразные натурфилософские идеи, которые можно свести в своеобразную древнерусскую онтологию как представление о макро- и микрокосмосе, о мире чувственно воспринимаемом и идеальном, зримом лишь «очами духовными». В древнерусской среде по мере накопления философских идей формируются определенные представления о развитии мировой и отечественной мысли, возникает то, что можно назвать историко-философским знанием. Особо следует сказать о патриотической направленности древнерусской философии, что отразило ее тесную связь с общественно-политической проблематикой, с судьбами русской государственности и культуры.

Связям древнерусской культуры с отечественной культурой XVII-XIX веков посвящено немало исследований историков, философов, искусствоведов. Анализ преемственности философской мысли еще ждет своего изучения. Но уже сейчас можно сказать, что нравственные искания Достоевского, полемика между славянофилами и западниками и многое другое в отечественной культуре, в том числе в современной, уходит в давние истоки, питается богатейшим древнерусским наследием, продолжает лучшие традиции многовековой отечественной цивилизации.

Одной из насущных задач современной русской философской мысли является осознание своего единства со всеми более чем тысячелетним древом отечественной культуры, развитие тех непреходящих ценностей, что были созданы нашим народом за многие века своего непрерывного созидательного труда. И сейчас традиции философского осмысления человеческого, природного и социального бытия развиваются не только специалистами-философами, тяготеющими к научному методу, но и лучшими представителями отечественной философской мысли, выраженной в прозе, поэзии, искусстве. Наряду с Достоевским в его творчестве все более ощутима линия учительной прозы древнерусской литературы от «Слова о Законе и Благодати», до «Жития протопопа Аввакума». И сейчас сложилась ситуация, при которой многие, собственно философские проблемы острее и глубже ставятся не учеными-философами, а крупнейшими писателями-прозаиками. Это состояние в отечественной истории, которое тоже является одной из традиций русской философской мысли, когда она, выраженная в прекрасной художественной форме, сильная своей болью за судьбы Отечества, вновь обращается к самосознанию всех и совести каждого, призывая глубоко вдуматься в основы нашего бытия и осознать наше подлинное предназначение. Смысл истории понимается в духе борьбы двух мировых сил: добра и зла. Несмотря на все исторические потрясения и трудности развития, древнерусские мыслители выражали уверенность в конечной победе добра и торжества справедливости. Знание истории своего народа, знание памятников его культуры открывает перед человеком целый мир, мир, который не только величествен сам по себе, но который позволяет по-новому увидеть и оценить современность

Список литературы

1. Изборник // Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1969.
2. *Лихачев Д.С.* Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М.: Азбука-Аттикус, 2014.

3. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

*Татьяна Андреевна Гвоздева,
студентка пятого курса заочного отделения,
научный руководитель: ст. преподаватель Имашева О.А.*

МЕСТО И РОЛЬ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ROLE AND PLACE OF THE PRONUNCIATION SKILLS IN THE ENGLISH LANGUAGE TRAINING

***Abstract:** Nowadays learning foreign languages is very popular and demanded. Any age has peculiarities, and at primary school children have special type of perception. There are several steps in the process of formation of pronunciation skills. For any teacher, it is challenge to contribute to a better perception and understanding of educational material by children, increase cognitive interest, develop their creative abilities, make material more curious and dynamic.*

***Keywords:** listening, primary school, pronunciation, phonetics, sound.*

На сегодняшний день изучение иностранных языков очень актуально и популярно, как и в рамках школьной программы, так и в виде самостоятельного изучения.

В современном стандарте образования основным подходом в преподавании иностранных языков является компетентностный подход, который предполагает развитие у учащихся основных компетенций, таких как коммуникативная, то есть развитие у учащихся навыков общения на иностранном языке, умения правильно и адекватно действовать в коммуникативной ситуации, умение применять свои знания в процессе общения, лингвистическая, ценностно-смысловая, учебно-познавательная, социально-трудовая и других.

Что же означает выучить иностранный язык. Изучение иностранного языка предполагает не только овладение грамматической, лексической и фонетической сторонами языка, но также изучающий должен иметь представление о культурных и национальных особенностях изучаемого языка, об истории этой страны, должен владеть необходимым минимумом фраз и клише для продуктивного общения в различных сферах и ситуациях.

Младший школьный возраст - наиболее благоприятное время для изучения иностранного языка, это полезно для психологического и

личностного развития школьника, для расширения кругозора. Поэтому в начальной школе, как правило, начиная со второго класса, дети начинают изучать иностранный язык.

В английском языке, как и в любом иностранном языке, существуют некоторые сложности и отличия в артикуляции и в произношении звуков, поэтому для того чтобы успешно контактировать на иностранном языке у учащихся должны быть сформированы произносительные навыки. Чтобы правильно произносить звуки, обеспечить возможность успешно осуществлять общения посредством письменной и устной речи, учащиеся должны освоить такие виды деятельности, как аудирование, говорение, чтение и письмо на иностранном языке [1].

Произношение является базовой характеристикой речи, основой для развития и совершенствования навыков говорения на иностранном языке.

Фонетические навыки занимают центральное место и играют огромную роль в условиях языковой среды, поэтому на уроке иностранного языка постановки произносительных навыков следует уделить особое внимание. Фонетические навыки - это автоматизированные произносительные навыки, то есть навыки правильного произношения иностранных звуков и их сочетаний, вычленение этих звуков в потоке речи, в правильности постановки ударения и интонационного оформления речи.

Процесс формирования произносительных навыков включает несколько этапов:

1. Восприятие – создание правильного звукового образа.
2. Дифференциация – осмысление и различение признаков звука.
3. Имитация – закрепление речедвигательных образов речевой единицы.
4. Изолированная репродукция – закрепление артикуляции звука на основе использования произносительного явления.
5. Комбинирование – переключение внимания с одного фонетического явления на другой [2].

На каждом этапе учитель должен следить за успешным формированием навыка у учащихся, закреплять пройденный материал из урока в урок, предупреждать распад навыка.

Существует две большие группы произносительных навыков – это ритмико-интонационные навыки, которые предполагают правильность постановки ударения как логических так экспрессивных. Вторая группа – это слухо-произносительные навыки, которые делятся на аудитивные и собственно произносительные.

Аудитивные предлагают действия и операции по узнаванию и вычленению отдельных фонем и смысловых синтагм.

К собственно-произносительным навыкам относится умение правильно соединять фонемы в слова и словосочетания в предложения, что так же требует при себе правильной постановки ударения и интонации.

Для успешного развития коммуникативной компетенции и произносительных навыков учащиеся должны овладеть всеми группами произносительных навыков.

Одним из явлений, при котором возникают сложности в изучении иностранного языка, является языковая интерференция, которая предполагает под собой ассимилирование звуков и произношение иностранной речи под родной язык.

Важно отметить, что даже если учитель смог на начальных этапах заложить навыки хорошего произношения, которое включает в себя и логические ударения и правильную интонацию и артикуляцию, то без систематической работы в дальнейшем процессе обучения распад этих навыков произойдет очень быстро.

Поэтому при изучении иностранному языку учитель из урока в урок должен уделять особое внимание постановки произношения у детей и их интонацией, использовать на уроке множество мультимедийных файлов, в том числе аудио- и видеофайлы, которые помогут детям слышать грамотную иностранную речь и пытаться вторить ей.

Использовать в процессе обучение фонетические речевые зарядки, разнообразные формы работы, такие как воспроизведение отработываемых звуков хором и отдельными учащимися, повторение материала за учителем или с аудиозаписи, самостоятельная или парная отработка.

Так же сама речь учителя должна быть четкой, внятной и правильной.

При изучении сложных, отличающихся от родного языка, звуков учитель должен обращать особое внимание на произнесение того или иного звука и отработать с учащимися этот звук, закреплять правильно произносимые звуки и исправлять ошибки в произношении.

Список литературы

1. *Гальскова Н.Д.* Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2012.
2. *Фокина К.В.* Методика преподавания иностранного языка. М.: Юрайт, 2014.

*Ольга Александровна Имашева,
старший преподаватель
кафедры лингвистики и МКК
Институт славянской культуры
ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина»*

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ НЛП В ОБУЧЕНИИ ПРАВОПИСАНИЮ NLP METHODS IN TEACHING SPELLING

***Abstract:** This article is about the complexity of the English sound/spelling system. A method of teaching spelling to students who have either a predominantly visual or an auditory style of learning is described.*

***Keywords:** auditory learning style, kinesthetic learners, mental image of the word, students' learning strategies, the NLP spelling strategy, visual channel, visual learners.*

Как известно, всю информацию из мира человек получает по трем каналам: он видит (визуальный канал), слышит (аудиальный канал) и чувствует (кинестетический канал). Обычно человек более ориентирован на один из каналов – он проводит в нем больше времени, лучше соображает, и этот способ восприятия для него как бы более важен, чем остальные. Это отражается на всех видах деятельности человека, тем более это проявляется в процессе обучения. Обычно доминируют либо визуальные, либо аудиальные стили каналов восприятия информации, и стили обучения ориентированы именно на них. Попробуем проследить это на примере обучения правописанию.

«НЛП – искусство и наука о личном мастерстве, основано на технике моделирования (копирования) вербального и невербального поведения людей, добившихся успеха в какой-либо области, и наборе связей между формами речи, движением глаз, тела и памятью» [3]. НЛП начиналось с того, что несколько человек попытались выяснить, почему одни люди талантливы и весьма успешны, а другие наоборот. И попытались найти закономерности – то общее, что их объединяет.

Правописание – базовый навык при обучении иностранному языку, но у некоторых учащихся возникают серьезные трудности при обучении этому компоненту языка. Одним из способов преодоления этой проблемы может стать внедрение методов нейролингвистического программирования в процесс обучения.

Недавно проведенное исследование деятельности грамотно пишущих людей показало, что они используют три главных приема: зрительная память, проговаривание слова вслух и систематическое

использование словаря [4]. Эти три составляющие объединяют три главных канала восприятия: визуальный, аудиальный и кинестетический, что способствует более эффективному обучению. Чем шире каналы восприятия, тем успешнее будет обучение. Были обнаружены и еще два дополнительных фактора, и которые являются ключевыми в визуальном восприятии формы слова грамотно пишущими людьми, - хороший почерк и умения в редактировании текста (исправление в нем орфографических ошибок).

Британская преподавательница Рут Хэмилтон провела интересный эксперимент с группой студентов из ОАЭ в колледже, где она преподает английский. Целью ее эксперимента было помочь студентам улучшить их навыки правописания, используя техники нейролингвистического программирования. В своей статье «Стратегии НЛП в обучении правописанию» Р. Хэмилтон делится опытом обучения студентов правописанию [6].

Грамотность зависит от использования визуальной системы: грамотные люди, прежде всего «видят», что слово написано неправильно, то есть они хранят в памяти образы правильного написания слов [1, с.34]. Если вы понаблюдаете за грамотным пишущим человеком, вы заметите у него определенные движения глаз. Сначала он посмотрит вверх налево, чтобы зрительно вспомнить написание слова, затем его глаза устремятся вниз, чтобы почувствовать правильно ли он его пишет, используя также кинестетический канал восприятия. Затем снова посмотрит вверх, чтобы проверить грамотность написания.

Для учащихся с визуальным каналом восприятия эти действия не вызывают затруднения, и они выполняют их автоматически. Однако студенты, у которых доминантными являются другие каналы восприятия, сталкиваются с рядом трудностей. Например, учащиеся, ориентированные на аудиальный канал восприятия, при написании слова будут пытаться вспомнить, как оно произносится. Наблюдатели отмечают, как их глаза устремляются влево, когда учащиеся вспоминают произношение конкретного слова, возможно, проговаривая его про себя. Такая стратегия не слишком эффективна при изучении иностранного языка, а так как между произношением и правописанием в английском языке слов имеется относительно сложная связь (очень часто английские слова не пишутся так, как они слышатся), то могут возникать дополнительные трудности.

Те люди, у которых доминирует кинестетический канал, опустят глаза вниз, проговаривая слово или обращаясь к своим чувствам. Возможно, они даже будут чувствовать себя плохо, так как не могут правильно написать слово. Кинестетик, который смотрит вверх направо, пытаясь написать по буквам новое слово, с которым раньше не встречался, задействует визуальную конструкцию, а не зрительную память. Возможно,

этот способ правописания можно назвать креативным, но, вероятно, не правильным.

Если смотреть вниз, то будет сложно мысленно представить себе образ слова. Поэтому для тех, у кого ведущим является не визуальный канал восприятия, еще сложнее будет правильно написать слово, когда глаза опущены вниз.

Стоит отметить, что иногда сами преподаватели, давая студентам задания в форме традиционных диктантов, скорее мешают им, чем помогают, потому что побуждают использовать аудиальный канал восприятия (послушайте это) и кинестетический канал (запишите это). Но для того, чтобы правильно написать слово, нужно использовать визуальный канал восприятия, то есть люди, у которых появились затруднения, просто путаются и сбиваются с мысли.

Автор эксперимента предлагает несколько практических советов, выполнение которых способствует улучшению навыков правописания.

1. Держать карточку с написанным на ней словом высоко наверху, слева от преподавателя (зона доступа визуального восприятия). Как вариант: писать новые слова на доске сверху слева.

2. Посмотреть на слово снова и произнести его по буквам – в прямом, затем в обратном порядке (это необходимо делать для того, чтобы четко сформировался образ слова, а это возможно только, когда человек видит его).

3. Убрать картинку со словом, чтобы закрепить его образ в голове. В этом могут помочь следующие техники: мысленно добавить образу слова цвет, расположить его на каком-нибудь фоне, изменить размер или шрифт. Посмотреть на слово снова до тех пор, пока не сформируется его отчетливый образ. Важно увидеть именно образ слова, а не просто посмотреть на него.

4. Вспомнить образ слова и написать то, что вы видите мысленно. Затем проверить, правильно ли слово записано. Если нет, то следует вернуться к первому шагу этого алгоритма, снова посмотреть на слово и сформировать его отчетливый образ у себя в голове.

Студенты могут сделать ментальные образы слов еще более отчетливыми, изменяя их субмодальности, например, делая образы больше или ярче (можно даже раскрасить ярким неоновым цветом), приближая образ, меняя размер или цвет его отдельных частей (суффикс, приставка), придавая ему определенную текстуру.

Практика моргания глазами, чтобы сделать ментальный «снимок» слова, - тоже эффективный метод. Можно попробовать начертание слова в воздухе и даже сохранение его образа в папке на экране внутреннего компьютера, с которым можно оперировать, используя воображаемую мышку. Эти движения способны усилить работу зрительной памяти у студентов с доминирующим кинестетическим каналом восприятия.

Студентам аудиалам возможно понравится проговаривать слова вслух, добавлять звуки к словам; группировать их по количеству слогов или рифмующихся звуков.

Также данная техника имеет ряд преимуществ по сравнению с механическим запоминанием слов, которое запоминание может помочь выучить слова для успешного написания теста, но, к сожалению, не формирует способности грамотно писать.

Регулярная тренировка студентов по использованию визуального канала восприятия информации для грамотного написания слов способна не только улучшить их способности в правописании, но также дает им возможности для расширения их стратегий усвоения и обучения. Последнее важно, если учащимся приходится переучиваться, так как усвоенные ими когда-то в процессе обучения стратегии усвоения нового материала оказываются не эффективны, либо выработанные стратегии усвоения были неправильно ими восприняты. В таких случаях без использования альтернативных, более действенных, стратегий усвоения студентам будет нелегко. По мнению педагогов, применявших эти методы в обучении разных учеников, в том числе детей, страдающих дислексией: «Если вы всегда будете делать так, как всегда делали, то и будете получать результаты, которые всегда получали» [3]. Интересно, что, по мнению Дж.О'Коннор и Дж.Сеймор у детей с выявленной дислексией часто доминируют аудиальные или кинестетические каналы восприятия [3].

Знание особенностей лингвокультуры, учет основных характеристик принятой на данной территории системы образования оказывают большое влияние на выбор предпочтительных стратегий усвоения и обучения. Представители арабской культуры относятся к учащимся с доминирующим аудиальным и кинестетическим каналом восприятия, поэтому они часто испытывают трудности в визуализации. По мнению Хэмилтон, это является одной из причин, по которой многие из них неграмотно пишут на иностранном языке, а такие виды речевой деятельности как чтение и письмо вызывают у них трудности. Зато сильными сторонами арабоязычающих студентов являются говорение и аудирование, а развитие этих компетенций напрямую зависит от аудиальных способностей.

Традиция передачи опыта от поколения к поколению в устной форме имеет глубокие корни в стране, где не хранятся письменные протоколы событий, школьное образование не существовало до 1960х годов. Это объясняет их любовь к устной речи, но отсутствие интереса к чтению. Поведение студентов в классе также отражает их интересы и способы восприятия информации: студенты любят разговаривать и перемещаться по классу. Когда арабские учащиеся читают, то предпочитают читать вслух, часто ведут пальцем под строчкой, которую читают, им трудно сидеть спокойно. В школе же много практикуется механическое

запоминание и пересказ прочитанного. Так как арабский язык является фонетическим и отличается от английского в графике, то у студентов возникают трудности на письме.

В эксперименте Хэмилтон, длившемся 5 месяцев, участвовала группа из семи человек с уровнем знания английского ниже среднего. В ходе реализации эксперимента студентам были продемонстрированы техники запоминания слов, описанные выше. Студенты сначала выбирали три слова из своих письменных работ, в которых они сделали ошибки, записывали эти слова на карточку. Разные цветные карандаши и карточки могут быть использованы для разных частей речи (голубой – для существительных, зеленый – для глаголов, красный - для прилагательных и т.д.). Студенты регулярно практиковались в классе, и им было рекомендовано продолжить работу и во внеаудиторное время.

Постепенно к этим трем словам - с помощью всех студентов группы – учащиеся добавили больше слов. За триместр они пополнили список слов до сорока, в следующем триместре добавили еще сорок новых слов.

Студенты регулярно писали тесты из 10-20 предложений на проверку правописания слов, подлежащих заучиванию. Им диктовались предложения, и когда они доходили до нужных слов, то применяли вышеописанную технику (остановиться, посмотреть вверх, вспомнить образ слова, произнести его по буквам, записать и снова посмотреть вверх, чтобы сравнить с образом правильно написанного слова). Исправлялись ошибки только в тех словах, которые подлежали заучиванию. Другие неправильно написанные слова позже тоже были включены в список. По мере того, как студенты работали со своими словами как индивидуально, так и с другими словами в классе, они отделяли слова, которые научились писать грамотно в одну стопку, а с остальными продолжали практиковаться внеаудиторно.

Такой же тест был предложен студентам спустя десять дней эксперимента, и результаты двух тестов сравнили. На протяжении семестра каждые 2-3 недели студентам давали регулярные тесты на примере различных предложений. Работы сохраняли, и позже сравнивали количество ошибок в правописании, особенно в первой и последней работе курса.

В течение года студенты собирали слова, в которых они делали ошибки, и добавляли их в свой личный банк слов.

По результатам эксперимента были получены и проанализированы следующие данные:

- а) регулярные словарные диктанты;
- б) количество ошибок в правописании в письменных работах студентов в течение курса обучения;
- в) анкетирование студентов и беседы с ними в ходе эксперимента;
- г) наблюдения преподавателей.

Хотя трудно делать объективные (другие факторы, которые могут влиять на результаты работы, например, время суток, тема, степень концентрации и эмоциональное состояние учащихся не учитывались) выводы, основываясь только на результатах письменных работ и тестов по правописанию, автор эксперимента заявляет, что студенты готовились к тестам и успешно с ними справились благодаря применению техник НЛП. По сравнению с началом экспериментального обучения количество ошибок сократилось в словах, подлежащих заучиванию, а также повысилась грамотность в целом. Многие студенты набрали 100 баллов в итоговом тесте, что свидетельствует об эффективности данной методики.

Только один студент, по мнению автора, казалось сопротивлялся данной методике и не следовал технике, когда писал слова, даже если его об этом просили. По мере приближения окончания курса данный студент прилагал меньше усилий в обучении и не проявлял амбиций по сравнению с началом семестра. И его уровень грамотности, и качество письменных работ стали хуже в течение курса. До начала эксперимента он был одним из лучших студентов в группе в плане грамотности и делал меньше ошибок в правописании в начале курса, чем в конце. Возможно, причины случившегося глубже, чем просто сопротивление данной методике, это могли быть проблемы личного и семейного характера, однако так как студент предпочел не обсуждать данные ухудшения, то и эти потенциальные помехи не учитывались.

На основании бесед со студентами автор выяснила, что они нашли данную методику полезной и считают, что она помогла им в овладении английским языком. Они все отметили, что их грамотность улучшилась, им понравилось работать по данной методике, а некоторые даже поделились ею со своими друзьями и близкими. Им всем понравилась идея познакомить с методикой студентов других групп, а особенно активные и решительные пожелали сделать это лично. Все заверили, что продолжат пользоваться данной техникой и после окончания курса, а также будут рады поработать и с другими эффективными техниками. Трое других учителей из этого колледжа повторили эксперимент и получили схожие результаты. Таким образом, успех эксперимента явился полезным инструментом, оказывающим поддержку, и придал уверенность тем студентам, которые обычно застенчивы и нерешительны.

О чем же свидетельствуют результаты эксперимента? Во-первых, подтвердилась гипотеза о том, что студенты, которые имели успех в процессе эксперимента, изначально были больше визуалами, чем другие. Поэтому перед началом подобного эксперимента стоит выявить ведущие стили обучения студентов. Для этого лучше заранее подготовить для них анкету, затем проанализировав полученную информацию, определить, какими стратегиями пользуются студенты при написании слов.

Во-вторых, причины неуспеха студентов могут крыться в отказе полностью или частично следовать предложенным рекомендациям, их отношение к методике может повлиять на результат. Но, по мнению Хэмилтон, причины могут лежать и совсем в иной плоскости, поэтому особенно важно наблюдать за студентами пристальнее, получать от них чаще сигналы обратной связи в ходе эксперимента. Только после этого можно утвердительно ответить на вопрос об эффективности применения НЛП в обучении и задуматься об адаптации методики в случае необходимости.

В-третьих, в эксперименте участвовали только четыре класса. Чтобы получить более достоверные результаты необходимо увеличить количество участников, разнообразить их. Важно узнать сказываются ли различные данные: тип класса, его размеры, уровень подготовленности учащихся, пол, возраст, мотивы изучения, профессия, время на результате в целом.

Подводя итоги, следует отметить, что решение о применении методики Хэмилтон в обучении правописанию должно приниматься только после проведения предварительного исследования: какими стратегиями обучения пользуются студенты.

Помимо анкетирования, нужно проводить визуальные наблюдения: попросить написать слова и проследить за движением глаз учащегося. Определив их доминантный канал восприятия, преподаватель получит возможность эффективнее выстраивать процесс обучения, максимально используя индивидуальные особенности студентов. Использование данной методики будет полезно и для расширения работы других каналов восприятия, которые у студентов развиты меньше или менее задействованы в обучении.

Методы НЛП позволяют нам лучше понять наши подсознательные действия, что помогает учащемуся легче усваивать определенные типы знаний, лучше овладевать конкретными навыками, все это повышает результаты, и в целом делает обучение успешным.

НЛП дает возможность использовать образы, звуки, чувства и ощущения для более глубокого постижения учебного материала и результативного использования эмоционального отклика на обучение.

Для преподавателей методы НЛП служат незаменимым средством повышения мотивации учащихся, так как позволяют лучше представлять проблемы учащихся и находить оптимальные способы их решения, апробируя их непосредственно в процессе обучения.

Список литературы

1. *Алещанова И.В., Душаткина М.В., Давыдова Л.Ф.* Нейролингвистическое программирование и обучение иностранным языкам // Городу Камышину – творческую молодежь: Материалы III

региональной научно-практической студенческой конференции. Волгоград, 2009. С.34-37.

2. *Шляхина А.С.* Нейролингвистическое программирование при обучении иностранным языкам // Молодой ученый. 2010. №6. С.363-366.

3. *O'Connor J., Seymour J.* Introducing NLP. London: Thorsons, 1995.

4. *Vos Savant M.* The art of spelling. The method and the madness. New York: WW.Norton&Co., 2000.

5. *Blackerby D.A.* NLP in Education – A magnificent opportunity. [www/positivehealth.com/permit/Articles/NLP/black39.htm](http://www.positivehealth.com/permit/Articles/NLP/black39.htm), 2001.

6. *Hamilton R.* The NLP spelling strategy. // Humanising Language Teaching. 2000, Issue 1, January 03 <http://www.hlomag.co.uk/jan03/sart2.htm>

Алина Андреевна Пивцаева,
студентка первого курса очного отделения,
научный руководитель: к.и.н. Дворниченко Е.В.,
к.к., доц. Склизкова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКЗАМЕНОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ PECULIARITIES OF INTERNATIONAL ENGLISH LANGUAGE EXAMINATIONS

Abstract: The relevance of the topic chosen is connected with the abundance of different forms of examination. All the international exams have differences that people who studying foreign languages should know to be able to choose the right exam, test their knowledge, get a diploma of international significance and work or study abroad.

Keywords: diploma, exam, placement, student, studying, working.

При изучении языка в течение длительного времени возникает желание проверить полученные знания и оценить свой уровень подготовки. Для этой цели были созданы международные экзамены. В настоящее время их существует огромное количество, что мешает в выборе одного нужного экзамена.

В первую очередь, необходимо определиться с целью сдачи экзамена: какие есть пожелания и ожидаемые результаты.

Основные причины таковы:

- Желание получить новую престижную работу;
- Желание получить новую должность и продвижение по карьерной лестнице;
- Решение уехать за границу и работать там;

- Желание поступить в университет за границей;
- Просто оценить полученные знания.

По всему миру более пятнадцати тысяч университетов и фирм признают сертификаты международных экзаменов. Экзамены дают возможность проверить знания человека во всех областях языка: Grammar (Грамматика), Listening (Аудирование), Pronunciation (Произношение), Reading (Чтение), Speaking (Говорение), Vocabulary (Словарный запас) и Writing (Письмо).

Теперь подробнее рассмотрим популярные международные экзамены.

1. IELTS и TOEFL

IELTS (International English Language Testing System) — это самый популярный международный экзамен на знание английского языка как иностранного.

Задания IELTS включают в себя лексику и тексты, которые отражают окружающий нас контекст: раздел «Чтение» содержит тексты из книг, журналов, рекламных объявлений; «Аудирование» содержит реальные диалоги на различные темы; задания в блоке «Письмо» дают возможность проверить навыки написания писем и сочинений, которые приходится писать в реальное повседневной жизни; «Говорение» дает возможность проверить знания на практике с человеком, владеющим иностранным языком, беседуя на обычные темы, тем самым проверяя умение поддерживать разговор.

IELTS представлен двумя модулями: Academic и General Training. Модуль Academic сдается теми, кто желает поступить в вуз или продолжить свое образование в Великобритании, Канаде, Австралии и Новой Зеландии. Именно этот модуль требуется также для научных сотрудников, желающих продолжить свою карьеру в университете в вышеперечисленных странах. General Training считается достаточным для получения среднего образования, работы и иммиграции в эти же страны. Задания по аудированию и устной речи Academic и General Training одинаковы, но в разделах «Чтение» и «Письмо» модуль Academic сложнее. Все разделы тестируются в один день, продолжительность теста — 2 часа 45 минут. Задания проверяются в течение 13 дней. Срок действия результатов - 2 года.

Таким образом, этот экзамен подходит тем, кто хочет поступить в университет в другой стране или планируете там работать.

TOEFL (Test of English as a Foreign Language) — еще один из международных тестов по английскому языку. Сертификат этого экзамена, который действителен два года, необходим тем, кто желает учиться, работать или переехать жить в страны США и Канаду.

Основная особенность экзамена TOEFL - он основан на американском варианте английского языка. Сдавать экзамен TOEFL

можно в одном из специализированных центров в любое время года. Для участия в экзамене следует зарегистрироваться и получить свой идентификационный номер, необходимый при приеме экзамена и для получения результатов.

Существуют две версии экзамена: Paper-based Test (PBT) (длительность 3 часа) и Internet-based Test (IBT) (длительность 4, 5 часа). Минус экзамена PBT - отсутствие устной части. Поэтому Internet-based Test является более выигрышным по сравнению с Paper-based Test, так как IBT оценивает и разговорные навыки кандидата.

Этот экзамен очень похож на IELTS, следовательно, назначение у него такое же: для учебы или работы.

2. FCE, CAE и CPE.

FCE (Cambridge English: First) — международный экзамен, подтверждающий владение английским языком на уровне Upper-Intermediate (выше среднего). Сертификат о сдаче экзамена FCE показывает, что навыки владения английским достаточны для проживания или работы в англоговорящей стране, для учебы на английском языке. Этот экзамен можно сдавать как в письменной, так и в компьютерной версии. Устная часть присутствует в обоих случаях. Модуль «Говорение» сдается на следующий день.

Плюс этого экзамена - действие сертификата бессрочное.

CAE (Certificate in Advanced English) — международный экзамен на владение английским языком уровня Advanced (продвинутый уровень). Это следующий экзамен в цепочке кембриджских экзаменов после FCE.

CPE (Certificate of Proficiency in English) — международный экзамен, подтверждающий владение английским языком на уровне, Proficiency. Сертификат этого экзамена желает получить каждый, кто изучает английский язык. Сертификат CPE подтверждает самый высокий уровень владения английским языком. Оценка «А» этого экзамена ценится выше, чем IELTS с оценкой «9».

Таким образом, группа этих экзаменов подходит тем, кто желает:

- Работать или учиться за границей;
- Подняться по карьерной лестнице;
- Переехать в англоговорящую страну;
- Проверить свои знания.

3. Специализированные экзамены.

Если уже имеется какая-либо специальность, то есть возможность выбрать экзамен именно в этой сфере.

BEC (Business English Certificate) – экзамен Кембриджского университета, разработанный для проверки навыков владения деловым английским языком. BEC предназначен для студентов, которым следует получить специальное знание английского языка для работы на международном уровне.

В тестах присутствуют задания, которые позволяют проверить умение использовать лингвистические функции и структуры в деловом контексте.

Существует 3 варианта экзамена BEC:

1. BEC Preliminary (уровень Intermediate);
2. BEC Vantage (уровень Upper-Intermediate);
3. BEC Higher (уровень Advanced).

Если специальность соискателя юриспруденция, то необходимо сдать экзамен ILEC. Экзамен ICFE оценивает способность кандидатов работать в сфере бухгалтерского учета и финансов в англоязычной среде.

Если специальность соискателя преподаватель, то стоит рассмотреть такие экзамены как TKT, CELTA и DELTA.

Сертификат TKT подтверждает, что вы владеете методикой преподавания иностранного языка в теории.

Экзамены CELTA и DELTA дают возможность проверить знания на практике.

Таким образом, в современном мире действительно много международных экзаменов. Любое тестирование имеет свои особенности и назначения.

Стоит внимательно изучить каждый экзамен и понять, что может вам дать каждый из них. Следует поставить четкую цель и задачу перед собой и не уклоняться от них. Наличие сертификата — это уже подтверждение знаний.

Список литературы

1. Какие существуют международные экзамены на знание английского языка: [Электронный ресурс]. 2012-2017. URL:<http://studyglobe.ru/tests/anglijskij-yazyk/ESOL>. (Дата обращения: 14.04.2017).

2. Логинова С. Какой экзамен по английскому лучше сдать: полное руководство: [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://englex.ru/which-english-exam-to-choose>. (Дата обращения: 13.04.2017).

3. Международные экзамены по английскому языку. English proficiency tests: [Электронный ресурс]. 2012-2017. URL: <http://englishstyle.net/articles/english-proficiency-tests>. (Дата обращения: 13.04.2017).

*Елена Евгеньевна Рыбакова,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Институт радиотехнических
и телекоммуникационных систем
ФГБОУ ВО «Московский технологический
университет» (МИРЭА)*

**РОЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ МОТИВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
THE IMPORTANCE AND PERSPECTIVES OF MOTIVATIONAL
TRIGGERS IN LANGUAGE TEACHING**

***Abstract:** The article considers the potential of motivation as the most important educational process element, at that a leading role of extrinsic negative motivation is revealed.*

***Keywords:** motivation, motivational trigger, education, communicative approach, language teaching*

В рамках процессов в современной системе образования остро стоит проблема мотивации студентов, прежде всего, как будущих специалистов. Проблема касается многих дисциплин, но особенно это применимо к обучению иностранным языкам, в связи с тем, что иностранный язык зачастую является дисциплиной непрофильной. Именно поэтому представляется необходимым проанализировать состояние такого инструмента, как мотивация, на данный момент.

«Мотивация» трактуется по-разному: К. Вилюнас понимает под мотивом условия существования, Г. А. Ковалев – морально–политические установки, а Ж. Годфруа – соображение, по которому субъект должен действовать [2]. Так или иначе, большинство сходится во мнении, что мотив – это либо побуждение, либо намерение, либо цель. Что касается учебной мотивации, то И.А. Зимняя определяет ее как частный вид мотивации, включенной в учебную деятельность [1]. Поэтому к этому понятию нужно подходить комплексно, учитывая все возможные аспекты.

Непосредственно учебная мотивация определяется рядом факторов:

- особенностями обучающегося (пол, самооценка, уровень интеллектуального развития);
- особенностями преподавателя и его отношения к педагогической деятельности;
- организацией педагогического процесса;

- спецификой учебного предмета (в данном случае иностранного языка).

На основании вышеперечисленных факторов учебную мотивацию можно разделить на внешнюю и внутреннюю.

Внешняя мотивация не связана непосредственно с содержанием предмета, а обусловлена внешними обстоятельствами. Примерами могут служить:

- мотив достижения – вызван стремлением человека достигать успехов и высоких результатов в любой деятельности, в том числе и в изучении иностранного языка. Например, для отличных оценок, получения диплома и т.д.;

- мотив самоутверждения – стремление утвердить себя, получить одобрение других людей. Студент учит иностранный язык, чтобы получить определенный статус в обществе;

- мотив идентификации – стремление учащегося быть похожим на другого человека, а также быть ближе к своим кумирам и героям (например, чтобы понимать тексты песен любимой группы);

- мотив аффилиации – стремление к общению с другими людьми. Студент может учить иностранный язык, чтобы общаться с друзьями – иностранцами;

- мотив саморазвития – стремление к самоусовершенствованию. Иностраный язык служит средством для духовного обогащения и общего развития человека;

- просоциальный мотив – связан с осознанием общественного значения деятельности. Студент изучает иностранный язык, потому что осознает социальную значимость учения.

Внутренняя же мотивация связана не с внешними обстоятельствами, а непосредственно с самим предметом. Действие внешних мотивов (престижа, самоутверждения, и т. д.) может усиливать внутреннюю мотивацию, но они не имеют непосредственного отношения к содержанию и процессу деятельности.

Кроме того, как известно, учебную мотивацию можно разделить на положительную и отрицательную. К примеру, конструкция «если, я буду учить английский, то получу на экзамене отлично» – это положительная мотивация. Конструкция «если я буду учить английский, то сдам экзамен, и меня не отчислят» – отрицательная.

Однако, как показывает практика, в большинстве случаев работает внешняя отрицательная мотивация как стремление добиться успеха ради успеха или же избежать наказания в случае неудачи. Преобладание данного вида мотивации может являться следствием фактора, прежде всего, психологического (атмосфера на занятии и в группе).

Тем не менее, причина может быть в отсутствии возможности реализации учебных навыков и потребностей студентов во время учебного

процесса. Решением данной проблемы может быть использование модели ESA (engage, study, activate - вовлекать, изучать, активизировать) [3]. Так же коммуникативный подход работает очень хорошо и предпочтение должно быть отдано деятельности, включающей моделирование реальных ситуаций и ролевым играм, как в аудитории, так и во внеаудиторной работе.

Так, мотивация может быть как ключом к успеху, так и камнем преткновения на этом пути.

Список литературы

1. Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. с. 201.
2. Готлиб Р. А. Социальная востребованность знания иностранного языка. // Социологические исследования, № 2, 2009. С. 122–127.
3. Константинова Н.А., Михеев И.Д. Развитие мотивации студентов как средство повышения качества обучения иностранным языкам. // Успехи современного естествознания. 2008, № 2. С. 60-62; URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=9440> (дата обращения: 17.03.2016).

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
КАФЕДРЫ ЛИНГВИСТИКИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ
ИНСТИТУТА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

**«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ
И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»**

Выпуск 1(5)

19 апреля 2017 года

Научное издание

Материалы публикуются в авторской редакции